

ФАЯ
РАЙТ

НЕВЕРУЩАЯСЯ КЛЯТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕКРЕТ НЕБЕС

Фая Райт

Нерушимая клятва

«Автор»

2026

Райт Ф.

Нерушимая клятва / Ф. Райт — «Автор», 2026

Фанфик по игре Клуб Романтики и новелле "Секрет Небес".AU, в котором Ребекка Уокер, отвергнутая Цитаделью, договаривается с Мальбонте о защите Школы Ангелов и Демонов. А он взамен просит её отдать ему Вики в жёны и связать их судьбы особой клятвой крови. Властный герой; Нежная героиня; Вынужденный брак Средневековый антураж; Интриги и жестокость. Много привнесла своего в мир канона, получился почти оридж со знакомыми персонажами. Характер Мальбонте тоже подвергся изменениям, но на момент написания мне хотелось изобразить его тёмным и готичным королём с замашками доминанта.

© Райт Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Последний день моей свободы	12
Глава 3 Слава Виктории!	25
Глава 4 Исповедь короля	36
Глава 5 Кровавая свадьба	49
Глава 6 Затишье перед первой бурей	65
Глава 7 Друг или...	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Фая Райт

Нерушимая клятва

Пролог

Чёрное грозное облако висело над Школой Ангелов и Демонов, источая зловонную, неотвратимую угрозу. Её никто не видел, но чувствовали абсолютно все.

Руины зданий, классов и комнат, в которых отныне гулял ветер, — отголоски прошедшей яростной битвы. Земля и камни впитали в себя кровь, которую не смыть отныне ничем. Как не вернуть былую чистоту душе, что хоть однажды вкусила запретную сладость порока.

Мама объявила себя директором, самолично сместив Кроули. И это не понравилось высшей власти.

Серафимы в Цитадели глядели на нас свысока. Древние, мудрые, шестикрылые и златовласые, величественные, как утёсы скал, уходящие корнями далеко вглубь веков, а оттого и надменности их не уступит ничто в созданном когда-то и устоявшемся, закаменевшем мире.

Безграничная власть, безнаказанность и развязанные Шепфа руки ожесточили их прекрасные восковые лица, сделав те похожими на мраморные статуи с такими же безжизненными и безжалостными холодными глазами.

У меня при виде Совета, который так просто изгнал маму, бросив всех нас на произвол судьбы, мурашки поползли по коже. Они не внемлют мольбам, они бездушны. Они... высшие ангелы и сосредоточие добра, вот только добро и сострадание в них давно умерло и покрылось коркой вечного льда.

Эрагон не внял предупреждениям о возвращении Мальбонте, не внял и просьбам о защите, которые Ребекка Уокер произнесла сквозь сжатые зубы, наступая на горло собственной гордости.

Мы остались одни: отрезанные от Рая и Ада, беззащитные перед всемогущим, опасным врагом, веками вынашивающим план своей кровавой мести.

Крови пролилось столько, что в ней можно было утонуть, но все понимали, что это не конец. Это только начало.

— Они хотели отобрать у меня дочь, — услышала я разъяренный голос мамы, поднимаясь по лестнице башни в кабинет директора. Но тут же замерла и прислушалась. — Хотели ставить над ней опыты. Несли какой-то вздор о том, что в Вики часть силы Мальбонте. Я не могла позволить им пытаться её, ведь даже после этого никто не защитил бы нас от врага. К чему приносить бессмысленную жертву?

Холод пробежал под моей кожей, смешиваясь с облегчением. Мама не отдала меня на растерзание, но в то же время в её голосе слышалась стальная решимость. Жажда выгоды.

«Гарантировали школе защиту — получили бы своё», — читалось между строк. Мороз по венам, непонимание, неверие... ненависть.

Я застыла, не решаясь постучать, но мою энергию уже почувствовали.

— Входи, Виктория, — властно позвала Ребекка. В детстве она называла меня полным именем, лишь когда разговор предстоял серьёзный.

Повинуясь, я осторожно вошла.

Мамон, Геральд, Кроули и Мисселина сидели за столом, во главе которого стояла мама. Темные круги залегли под её глазами. По обыкновению бледные щеки напоминали чистейшее полотно, через которое просвечивались голубые сплетения вен на висках. Она не спала несколько ночей.

— Садись, — приказала она, и я послушно села на свободный стул, ловя на себе сочувствующие взгляды всех присутствующих, но ещё не понимая их значения, хотя дурное предчувствие тут же шелохнулось в груди.

— Виктория, как ты знаешь, совет Цитадели обеспокоен твоими... открывшимися талантами, — начала мама чуть охрипшим голосом. Было заметно её волнение, но Ребекка умело сохраняла самообладание. — После разговора с главным советником я осталась в некотором замешательстве. Но решила, что тебе необходимо знать правду.

— О силе Мальбонте, что осталась во мне после ритуала? Я знаю, — ответила я, качнув головой. Мисселина охнула, положив хрупкую ладонь на моё плечо. — Как знаю и о том, что они хотели оставить меня при себе.

Мамон нахмурился, постучав по столешнице подушечками пальцев.

— Да. Они не восприняли угрозу Мальбонте всерьез, но им было необходимо, чтобы ты находилась рядом, — мама вздохнула, набрала в грудь воздуха и продолжила с непроницаемым лицом. — Не считай это честью, Вики. Для тебя это означало бы пытки и возможную мучительную смерть, если бы весы войны качнулись в сторону Мальбонте. Эрагон хотел сделать тебя рычагом давления на него в случае, если задумает угрожать Цитадели.

— Вы... думаете, я настолько важна Мальбонте? — скептически выгнула я бровь, стараясь не пропускать через себя ужасающие прогнозы мамы, сказанные с такой холодностью и расчетливостью, будто речь шла вовсе не о моей судьбе.

— Важна или нет, но в тебе таится его сила. Ты убила Сатану, ты можешь быть опасна.

— Они отпустили тебя сейчас, но не факт, что не вздумают нагрянуть сюда и забрать обратно, — вмешался Мамон, и от его правдивых прямых слов я поистине ужаснулась.

— Но...

— Им никто не сможет помешать, — вставил Геральд, стиснув зубы. — Если захотят заковать тебя в кандалы, закуют, и никто из нас не сможет защитить тебя, девочка.

— Даже я, — согласилась мама. Заметно было, как побелели костяшки ее сжатых в кулак пальцев. — Они объявили Школу автономной от защиты Небес. Наказание за моё непослушание. А потому им ничто не помешает напасть на нас и использовать тебя в качестве оружия против Мальбонте. Этого допустить я не могу. Нам не выстоять против небесного легиона одним.

Повисла напряженная, гробовая тишина.

— Что ты хочешь сказать, Ребекка? — тоненьким испуганным голоском спросила Мисселина.

— Я хочу сказать, что раз мы не можем просить защиты у Цитадели, не можем просить её у Шепфа, не можем просить у Ада, так как тот полностью контролируется Цитаделью. Нам остается только одно...

Ангел снова охнула, закрыв рот обеими ладонями.

— Ребекка, ты хорошо всё обдумала? — спросил Кроули, и мама нетерпеливо кивнула.

— Боюсь, это единственный выход. Мы можем оставаться гордыми, независимыми и умереть, либо же можем попытаться выжить.

— Но Эрагон не простит тебе этого! Этот путь значит объявление войны небесам.

Мама опустила глаза, не моргая уставившись в стол. Она что-то усиленно обдумывала, а потом, нехотя, произнесла:

— Есть кое-что, о чем я узнала не так давно. Нашла в старинной книге переписи бессмертных...

Я невольно вспомнила то видение, когда мама изорвала в клочья древнюю страницу. Что-то тогда её ни на шутку напугало.

— Я опасна для Эрагона... как и моя дочь. Он вскоре узнает то, что тогда узнала я, и тогда нам обеим не избежать смерти. Я говорю это вам, — она оглядела ледяным взглядом всех присутствующих. — Потому что доверяю каждому. Если вы предадите меня, лично казнию любого. Но если останетесь верны, сделаю всё возможное, чтобы защитить всех нас.

— Мама... о чём ты? Что ты намерена делать? — мысли и опасения носились вихрем в моей голове, и одна была страшнее другой. Ребекка внезапно посмотрела на меня так, словно удивилась моему присутствию.

— Я намерена объединиться с Мальбонте.

— Что она намерена?! — воскликнул Люцифер, вскакивая с постели в приступе ярости, но Мими удержала его за руку, призывая к спокойствию. — Объединиться с этим вырожденком? Просить у него защиты?! И это после того, как он отнял твою земную жизнь? Как убил половину школы, как принёс нас в жертву?! Да пошел бы он нахер!

— Люци... — выдохнула я, умоляюще глядя на него. Сил ругаться не осталось. Я ощущала себя потерянной, не выспавшейся и уставшей настолько, словно прожила на свете долгие тысячелетия.

Бессонные ночи, кошмары, видения, груз потерь и смертей. Мне казалось, что над школой до сих пор стоит смрад дыма и крови, а в ушах звучит лязг мечей и предсмертные вопли павших.

А теперь еще и это... Я понимала, насколько сложно маме просить помощи у злейшего врага, но из двух зол она выбрала наименьшее. Ангелы для нас тоже опасны, и у Эрагона, насколько я поняла, что-то личное не только с мамой, но и со мной. Он об этом пока не знает, но стоит ему догадаться, и нам грозит неминуемая казнь. Чем мама так не угодила главному советнику Шепфа и самому могущественному из серафимов — оставалось загадкой, ломать голову над которой не было сил.

Люцифер несколько смягчился, но гнев всё равно бурлил под его кожей, перекатываясь вместе с сильными мышцами.

Мими поднялась со вздохом.

— Оставлю вас наедине.

И Люцифер ей благодарно кивнул.

— Эй, Непризнанная, не паникуй, — ободряюще проговорил он, садясь на мою кровать и осторожно обнимая меня. — Я не умею утешать, но хочу сказать, что мне тоже жутко не нравится решение твоей матери. Хоть и деваться некуда. В Ад нас не пускают, еду нам доставлять не собираются, на нас попросту начхали надменные златоперые петухи. Если этот полукровочный гад хоть вполовину так силён, как о нём говорили, он сможет поставить их на место.

— А может и превратить нас в рабов... — выдохнула я, пряча лицо в ладонях. Я видела каждую ночь фрагменты жизни Мальбонте. Его злоба, жестокость и жажда мщения не знают границ. А с его силой не сможет сравниться ни один из бессмертных. Он пугал меня до дрожи, одно лишь его имя вызывало ужас и боль от потери...

Бонт — мой светлый ангел. И зачем я только освободила тебя из этой проклятой башни?! Слезы хлынули из глаз, но объятия Люцифера и его жаркие губы помогли забыться в эту ужасную ночь, которая оказалась для нас последней...

Мы и предположить не могли, что утром наша жизнь вновь перевернется с ног на голову.

Все ждали с напряжением в кабинете администрации школы. Тишину разбавляло лишь размеренное тиканье часов.

Мальбонте явился к назначенному времени, выйдя из зеркального портала. Огромный, величественный и опасный. На его губах играла уверенная усмешка, как только он оглядел испуганные лица. Страх таился в глазах всех учителей, и только мама смотрела без паники, гордо вздёрнув подбородок.

— Я рада, что ты получил моё послание и ответил на призыв.

— Оно меня заинтересовало, Ребекка, — ответил Мальбонте, с любопытством оглядывая кабинет. Он пришел один, без свиты или стражи. И аура, которую источал, была настолько мощной и подавляющей, что противиться ей не возникало желания. Странное чувство... как

будто воздуха в кабинете мигом стало в три раза меньше. Захотелось согнуться пополам, открыть окно, чтобы вдохнуть свежести, встать на колени... Он подавлял, принуждал подчиниться, хоть и безмолвствовал, скрестив на груди крепкие сильные руки.

— Я слушаю.

Мама начала говорить сильным уверенным голосом. Её нервозность выдавали лишь пальцы, сжимающие подол платья. А я тем временем украдкой разглядывала Мальбонте, крепче сжимая ладонь Люцифера с одной стороны, а с другой держась за подрагивающие пальцы Мими. Присутствие демонов успокаивало меня.

У чудовища было лицо Бонта, но взгляд стал холодным, острым и пронзительным, волосы и крылья поменяли цвет, и последние стали куда больше и сильнее, чем были у его ангельской стороны. Помнит ли он эти ненавистные Бонту стены?

Мальбонте возвышался над всеми в комнате, гордый и непреклонный.

Мой убийца...

Злость и ненависть вспыхнули во мне, и я хотела отвести взгляд, но в этот же миг Мальбонте взглянул прямо на меня, ловя в плен своих чёрных зрачков. Мурашки страха пробежали по коже, когда он заговорщически улыбнулся.

— Я готов предоставить Школе защиту от любых посягательств Цитадели, — громко и уверенно объявил полукровка. — Не стану трогать вас, и если кто-то посмеет сделать это, я лично встану на вашу защиту. Даю слово.

Он посмотрел на маму с долей секунды, а затем снова вернул заинтересованный взгляд ко мне.

— Но взамен мне нужно...

Все ошутимо напряглись, готовые слушать его требования. Я знала, что мама будет вынуждена согласиться на любые условия, потому что выбора у неё попросту нет. Эрагон сравняет школу с землей лишь за одну попытку переметнуться к врагу, даже неудачную.

— Мне нужна армия. Потому любой, кто желает вступить в ряды моих воинов, должен будет ждать на закате во дворе. Я никого не принуждаю, но в ваших интересах набрать достаточное количество добровольцев.

Учителя на это переглянулись, и мама напряженно кивнула.

— Это условие выполнимо. Дальше, — потребовала она, и Мальбонте снова уверенно улыбнулся.

— Никаких предательств и доносов. Следи за этим пристально, Ребекка. Потому что иначе полетят головы.

Мама сжала кулаки, и скулы её заострились, но она кивнула и на это.

— Я и сама готова казнить за подобное. Дальше!

— Часть вашего продовольствия будет доставляться в мой лагерь. Как и одежда, оружие и прочие предметы обихода.

Мама поджала губы, прищурившись.

— Это всё?

Улыбка Мальбонте стала шире, и от его взгляда, всё еще устремленного ко мне, меня охватило жуткое липкое предчувствие. Он помолчал немного, растягивая долгую мучительную паузу, а затем произнес, и голос его прозвучал громом над головами собравшихся:

— Сосуд с моей силой отныне станет принадлежать мне. Я заберу её с собой.

С губ мамы сорвался вздох презрения, она быстро глянула на меня, и в голубых глазах на миг сверкнули огоньки сожаления, но ей удалось удержать лицо.

— Мою дочь я тебе не отдам, — твёрдо сказала она, резко обернувшись к Мальбонте, но её порыв не нашел никакой реакции на его каменном строгом лице.

— Отдашь, если хочешь защитить себя и своих подопечных. А чтобы девчонка не задумала сбежать, я требую связать её со мной клятвой крови.

Пораженная мама выдохнула, не веря своим ушам. Мими ахнула. Люцифер несдержанно ругнулся. Остальные зашевелились, но Мальбонте смотрел выжидающе лишь в ошарашенное и полное сомнений лицо Ребекки.

— Что... что значит клятва крови? — онемевшими губами спросила я Мими, наклонившись к ней. Но за дьяволицу ответил Люцифер:

— Брачная клятва! Он требует у твоей матери благословения! Сукин сын! — процедил демон сквозь зубы, рванувшись на Мальбонте, но я с трудом удержала его.

— Когда родитель отдает дитя таким образом, он передает все права, вручая дочь целиком под покровительство жениха. Невеста не может добровольно уйти от мужа, а если попытается, на неё падет кара, и «судьба её отныне будет проклята», — дрожащим голосом пояснила Мими.

— Поэтому такие обряды бракосочетания отменили херову тучу веков назад! — Люцифер просто кипел.

«Он хочет сделать меня своей рабыней?» — мне не верилось, что мама согласится на такое.

Тяжело дыша, я умоляюще глядела на неё, но Ребекка не смотрела на меня, и лицо её было ледяным и задумчивым. Мальбонте терпеливо ждал вердикта, который, наконец, прозвучал, подобно приговору:

— Я обдумаю это.

— Думай, Ребекка, думай, — резко ответил Мальбонте тоном, не терпящим возражений. — Ты мудрая женщина и правильно понимаешь все тонкости сложившегося положения.

Он в последний раз посмотрел на меня — застывшую от смятения.

— Я вернусь на закате и получу свой ответ, каким бы тот ни был, — снова суровый взгляд метнулся к маме. — Советую обдумать всё тщательно.

В последних словах прозвучала угроза... Он обещал поставить школу на колени силой, если мама не примет его условий. Мальбонте исчез так же, как и появился. А все присутствующие еще долго стояли без движения, не сразу обретя дар речи.

Глава 1 Последний день моей свободы

Солнце ползло к горизонту. Медленно, словно насмехаясь над миром, погрязшим в кровопролитии и интригах. День умирал долго, пуская последние теплые яркие лучи света. А вместе с ним умирала и я. Чувствовала, что умираю... снова.

Я сидела на крыше, свесив ноги вниз, и глядела на этот злополучный закат, который станет означать моё вечное заточение в лапах тирана.

«Я выпустила тебя, Бонт! Подарила свободу! Избавила от заточения! А в благодарность твоё тело, заполненное злом, надевает на меня нерушимые оковы».

Мама думала недолго. Я видела, что решение далось непросто, но когда она озвучила его, голос с нотками металла не дрогнул, а иней в глазах не растаял.

— Мне жаль, Вики. Но на кону стоит слишком многое.

Её слова до сих пор тихими выстрелами пульсировали в моём мозгу. Я не помню, что было дальше... не помню, как Люцифер бросился на неё, едва не сбив с ног.

— Что ты несёшь, непризнанная дрянь?! — выкрикнул демон, но Мамон резко перехватил его попытку дотронуться до мамы. — Ты готова отдать единственную дочь и ради чего?! Ради обещания какого-то мифического уroda? Ради сохранения собственной власти?! Ты хоть понимаешь, на что обрекаешь Вики?! Не тебе придётся раздвигать перед ним ноги!

Люцифер рвался так сильно, что Геральду пришлось помочь Мамону держать его.

Мама смотрела на него спокойно и надменно, хоть подбородок её мелко дрожал.

— Не забывай, Люцифер, как твой отец был готов пожертвовать тобой ради своего народа. Я не любила его, но это — поступок, достойный уважения. Правитель должен уметь пожертвовать личными привязанностями во благо остальных.

— В какое нахер «благо остальных»? — Люцифер с силой отпихнул Геральда и освободившейся рукой схватил маму за горло. Да так сильно, что та начала задыхаться. Вбежавшие на шум архангелы немедленно накинули на него золотые нити и оттащили прочь.

Я стояла, словно в бреду... в кошмарном невыносимом сне, от которого так жаждала очнуться. Но пробуждение всё не наступало.

Мисселина плакала навзрыд. Мими тоже что-то кричала, но умолкла под грозным взглядом отца.

— Уведите Люцифера в камеру и не выпускайте, пока не придет в себя, — отдала мама холодный приказ.

— Я тоже пойду туда одним из этих сраных добровольцев! Я хочу этого! Вы не сможете просто меня запереть!

Мими выбежала вслед за стражами, которые утащили демона прочь.

— Такое решение не просто принять, Ребекка, — сказал Мамон, глядя на закрывшуюся за дочерью дверь. — Я бы не смог обречь Мими.

Мама судорожно вздохнула. Следы от пальцев Люцифера краснели на её белоснежной шее. На меня она взглянула, только спустя несколько невыносимо долгих минут ожесточенных споров. Словно речь шла не обо мне... словно я была какой-то вещью, не более того.

«Сосуд с моей силой я заберу с собой», — так выразился Мальбонте. Я и для него была вещью, но этот факт ранил не так больно, как расчетливое отношение матери. Осознание, к чему меня приговаривают, начало постепенно доходить до затуманенного шоком разума, выводя из оцепенения все вспыхнувшие чувства и естественные реакции.

— Вы говорите так, будто я рабыня или вовсе не имею права голоса! — вскрикнула я пронзительнее, чем того желала. Сила внутри отозвалась на порыв эмоций, и окна кабинета угрожающе задребезжали. На столе лопнуло несколько стаканов, зеркало пошло трещиной, свитки на стенах отпали и скрутились в трубочку. И я испугалась, что не смогу долго удерживать в себе эту разбушевавшуюся мощь, что она вырвется на свободу и причинит вред тем, кому зла я желала в последнюю очередь. Все немедленно обернулись в мою сторону.

— Что, чёрт вас дерит, значит эта «клятва крови»? Я не выйду за него замуж! Я не позволю ему коснуться себя! Мы не в средневековье! Вы не поступите так со мной!

Мисселина сочувственно поджала губы и снова расплакалась. Лицо мамы застыло в непроницаемой маске, плечи дрогнули, но тоже замерли в гордой осанке. Кроули угрюмо молчал. Мамон и Геральд опустили взгляд.

— Я понимаю твои чувства, Виктория, — холодно произнесла женщина, которую я считала своей матерью. — Но суровые времена требуют решительных мер. А решительные меры подразумевают под собой некоторые жертвы. Я не предполагала, что он потребует подобного, признаю, для меня это тоже удар. Но по крайней мере ты будешь жива и под его защитой. Как сосуд с его силой ты для него важна. И это лучше, чем смерть от рук советников Цитадели.

Говоря, Ребекка скривила губы в раздражении, словно я была несмышленным ребенком, не понимающим очевидные вещи.

Это стало последней каплей. Я оттолкнула подошедших ко мне Мисселину и Геральда и выбежала из кабинета, не помня себя от ужаса, сжигаемая изнутри отчаяньем.

Слёз не осталось. Сил не осталось. А на смену эмоциям пришла пустота. Смирение? Нет! Я буду бороться. Им придется запереть меня как Люцифера, я буду биться до последнего!

Я взглянула на возвышающуюся над школой башню. Люцифер там... пытается выбить решетку, несмотря на то, что архангелы сильно его избили. Нам даже не дадут попрощаться?! Неужели не дадут?!

Первой мыслью было бежать, куда глаза глядят. Я раскрыла крылья и летела, летела... но что-то заставило вернуться. Лететь мне некуда. Нигде не найти приюта. Я совсем не знаю Небеса, есть ли здесь какие-то поселения, кроме Цитадели? Пролетая над островками на спине Фыра, я видела какие-то деревушки и маленькие города. Но что мне там искать? Рано или поздно меня найдут по энергии не одни, так другие. Оставалось только...

Я никогда не думала о самоубийстве, но сейчас оно маячило спасительным маяком в сгущающемся мраке будущего.

Но и тут что-то остановило... Ещё неизвестно, что сделает Мальбонте с учениками и учителями, если меня вдруг не окажется среди его трофеев.

Последняя мысль резанула болью по и так уже израненному сердцу. Словно в открытую рану всадили нож, да ещё и провернули ручку, что перехватило дыхание.

Нет, я не могу обречь Дино, Мими, Энди, Мисселину, Геральда и остальных на такой риск. Если их жизни будут спасены, благодаря моей жертве, я должна суметь принести её с достоинством.

Словно прекрасная античная дева, прикованная к скале у моря, и ожидающая, когда с последними лучами солнца за ней придёт кровожадное чудовище. Вот только в мифах деву всегда спасает герой. В жизни же... всё иначе.

Я только сейчас поняла, что эти прекрасные девы почти всегда были дочерьми царей... которые приносили дань во благо своему королевству.

— Брак, это ведь не означает смерть... — рассуждала я вслух, поглаживая гладкую бирюзовую чешую Фыра, грустно лежащего рядом. — Многих женщин выдали по расчету... за мужчин, которые обращались с ними плохо... были ужасными, но влиятельными... и... — голос запинался на каждом слове. Рыдания вновь начинали душить, перекрывая доступ кислорода.

Мне всегда казались забавными эти практики замужества прошлого. В университете мы с подружкой даже посмеивались, говоря что-то вроде: *«Не нужно самой искать себе парня, это лежит на плечах родителей. И он зачастую всегда состоятельный. А если ещё и симпатичный — считай, повезло»*.

При воспоминании о земной жизни, которую отнял у меня Мальбонте, эти слова уже не казались смешными. Меня трясло крупной дрожью от омерзения и настоящего животного страха. А солнце меж тем продолжало неотвратимо приближаться к горизонту.

Шаги за спиной я услышала задолго до их приближения, но не обернулась, даже ощутив кожей теплую энергию Дино. Не хотела, чтобы он видел меня такой... разбитой и растоптанной.

— Вики, я только что узнал и долго не мог поверить! — начал он, садясь рядом и тут же обняв со спины. Я уткнулась ему в грудь, беззвучно рыдая, а он гладил меня по волосам, словно я была для него самым близким человеком в мире.

«Ах, Дино... как же ты добр и светел! И сколько же предательств выпало на твою долю!»

— Я принял решение лететь с вами, — твердо сказал он, и я резко отстранилась, не заботясь о том, как выглядит моё лицо. — Раз уж Ребекка продала тебя в рабство, я сделаю всё, чтобы помочь.

Он взял мою голову в ладони, и в голубых глазах поселилась болезненная решимость.

— Нет, Дино, нет, — умоляюще залепетала я. — Для тебя это слишком тяжело, ведь там твой отец. И слишком опасно! Оставайся здесь, ты нужен школе. Со мной полетит Люцифер...

Фыр под моей рукой решительно дёрнулся, как бы говоря, что и он тоже отправится с нами.

— Меня будет, кому защитить!

Хотелось верить в собственные слова. Они были правдивы в том, что касается вражеского лагеря и его жителей. Но от самого Мальбонте меня, увы, не защитит никто и ничто.

День догорел, словно спичка. Последний день моей свободы... Как мы, порой, не ценим отведенное нам время и простые на первый взгляд вещи... Не ценим, пока в один миг не лишаемся их. Время утеряно, и ничто больше его не вернёт.

Во дворе собрались добровольцы, больше похожие на скот, пригнанный на бойню. Хотя среди них попадались те, кто был полон энтузиазма. Остальные же стояли с хмурыми печальными лицами. Мими с сумкой переминалась с ноги на ногу рядом с Мамоном, на лице которого читалась тревога, но и гордость. Люцифера — израненного и связанного — держали всё те же архангелы. Ребекка, Кроули и Геральд стояли на крыльце, возвышаясь над всеми. Я притаилась поодаль, не способная даже поднять голову и изо всех сил заставляющая себя больше не плакать.

Только не на глазах монстра.

Та, что звалась моей мамой, накануне пришла в спальню и заставила привести себя в порядок.

Мы с Мими сидели на моей кровати и разговаривали.

— Я уговорила отца отпустить меня с тобой, — поведала подруга. — Не брошу тебя в западне. К тому же, там будет много знакомых.

— Мими... не стоит так рисковать.

Её желание немного взбодрило, но и вызвало еще больше волнений.

Дьяволица отмахнулась.

— Раньше бы я не пошла на это, скажу тебе честно. Но не потому, что мне плевать на тебя. А из-за отца. Но раз Ребекка открыто бросила вызов Эрагону, то и отцу Небеса не поверят после того, как тот согласился встать на сторону твоей матери.

Я не успела ответить. Мама прервала нашу беседу, войдя с коротким стуком, и Мими оставила нас одних.

— Знаю, ты имеешь право ненавидеть меня, — сказала Ребекка, чуть помедлив. — Но я делаю это для твоего блага и для блага всех нас.

Я промолчала. Просто не знала, что на сказать. Из меня вытрясли всю душу, оставив на её месте нескончаемую растущую пустоту. Ребекка уже собиралась уйти, как вдруг задержалась у дверей, нервно терзая собственные пальцы. Я видела в зеркале, что холодная маска на её лице на миг сменилась растерянностью и глубочайшим сожалением... или это мне почудилось?

— Мне жаль, Вики. Мне правда жаль. Если бы я могла заменить тебя... сделала это, не раздумывая. Лишь надеюсь... что когда-нибудь ты найдешь в себе силы простить меня.

«Простить... простить... простить...» — стучало в висках. Как можно, чёрт побери, такое простить?!

Мальбонте явился в точно назначенное время, но на этот раз в компании десятка демонов.

Усмешка на его лице сменилась серьёзной задумчивостью, когда он увидел перед собой кучковавшихся новобранцев, которые глядели на него кто с благоговением, кто с раболепием, кто просто с ужасом. Но презрение прятали. Энергия страха наполнила двор кисло-горьким маревом, и её ощущали все бессмертные.

Мальбонте встал перед ними, подняв голову и прищурившись. Он оглядел толпу, видя каждого из вновь примкнувших. Задержал взгляд на Мими, затем на Мамоне, после на Люцифере. Усмехнулся. И чёрные глаза сверкнули мрачным удовлетворением, когда он повернулся к Ребекке.

— Вижу, ты приняла верное решение, — произнёс он очевидную истину, и изучающий пронзительный взгляд коснулся меня, мгновенно прожигая кожу и кровь до самых костей. Мне захотелось спрятаться за спину Геральда, но я буквально заставила себя ответить этому чудовищу тем же убийственным взором, в котором полыхала неприязнь. Уж я-то не боялась показать своё истинное отношение к нему.

Хотя разумнее было бы сразу начать гладиться, пытаться быть приветливой и ласковой, соблазнять одним взглядом, и тогда мужа, каким бы суровым тот ни был, получится усмирить и загнать под каблук... так ведь учат старые няньки в сериалах и фильмах про прошлые века?

Только вот в этих картинах не показывают, как надо себя вести, когда тебя начинают насиловать или избивать!

«Нет, нет! Скажите, что всё это сон! Я лучше умру! Нет!»

Паника захлестнула с новой силой, стоило Мальбонте отдать приближенным демонам приказ сопроводить добровольцев в лагерь по воздуху, а самому направиться в нашу с Ребеккой сторону.

Я видела, как Мими обняла отца на прощание. Как шепнула что-то Люциферу, которого... архангелы потащили обратно в башню, не позволив взлететь с остальными.

«Что?!» — вопрос хлестнул кнутом по оголенным нервам. Люци остается, значит, не наделает глупостей и не погибнет, но... нам даже не дали проститься... Я смотрела, как его уводят, широко распахнутыми глазами, даже не моргая и полностью игнорируя приближение Мальбонте. Люцифер что-то кричал, осыпал все грязной бранью, но полукровка не реагировал ни на какие выкрики. Я опомнилась, наступив на горло своей досаде, только когда мама взяла меня за руку. Её ладонь была холодна, как лёд. Она не смотрела на меня — лишь на Мальбонте, что встал перед нами, победно улыбаясь, хоть и взгляд его оставался пугающе серьезным. Ребекка оставалась непоколебима и верна своему решению.

— Мальбонте, отдаю тебе мою дочь, Викторию Уокер, взрослую и достигшую расцвета. Да будут ваши судьбы связаны кровью... — мама запнулась, словно ком в горле помешал ей говорить дальше. Прокашлялась и продолжила: — Отныне и вовеки веков. Да падёт на дочь мою кара небесная в случае ослушания, да будет она счастлива подле тебя. Да будет так.

Мама едва ли не выплюнула последние слова, достав инкрустированный рунами нож и приложив его лезвие к моей ладони. Я поморщилась, глядя на выступившую кровь. Мама передала нож Мальбонте, и в его руках он засветился красным. Мужчина сделал себе такой же надрез, а после мама соединила наши руки. Я хотела вырваться, но она удержала.

Кровь прикоснулась к крови, и от этого кожу нестерпимо обожгло. Сила внутри меня встрепенулась, почуяв источник, и я ощутила, как она наполняет вены стремительным потоком.

— Да будет так, — повторил за Ребеккой Мальбонте, не сводя с мамы холодных глаз, в самой глубине которых притаилось ликование.

Его ладонь была шершавой и горячей. Он стиснул мои пальцы не сильно, но ощутимо.

«И это всё? Я не так себе представляла свою свадьбу! Кто-нибудь разбудите меня!»

Ребекка больше не глядела в мою сторону. Она развернулась на каблуках и направилась в школу, бросив напоследок короткое:

— Сделка завершена. В твоих интересах выполнить то, что требуется от тебя.

Скрытая угроза в мамином голосе подала мне надежду на то, что ей правда жаль. Хотя мою ненависть к ней это не остудило.

— Не сомневайся в этом, — ответил ей Мальбонте, взглянув на меня в упор, отчего вся решимость сопротивляться и презирать его быстро трансформировалось в неконтролируемую панику. Он ничего не сказал, лишь оглядел всю с неким любопытством и интересом. Так покупатель осматривает на рынке товар.

А после поднял наши сцепленные руки в воздух и отдал громогласный приказ оставшимся прихвостням:

— Возвращаемся домой!

Глава 2 Silentium

Зеркало издревле считалось творением дьявола. Многие культуры называли этот предмет порталом в иной мир, где обитают демоны. Мистическим, оккультным, опасным...

Мальбонте провёл меня через зеркало, и я оказалась, словно в иной реальности, не похожей на Ад в том представлении, в каком мне удалось его рассмотреть.

В Аду я бывала лишь на факультетах Школы, да в похожем на золотой склеп дворце Мамона. В другие же места меня как Непризнанную не пускали. Обиталище Мальбонте я видела во снах, но смутно и нечётко, словно смотрела сквозь беспокойную водную гладь.

Сейчас же всё прояснилось. Взору открылся исполинского вида замок, утопающий в алых лучах заката; каменные древние, полуразрушенные башни, высокие массивные стены, огромные ворота, в которые могли в ряд проехать десять конных рыцарей в тяжёлой броне. Если академия Ангелов и Демонов напоминала готическое строение, то это место навевало мрачную и суровую романтику. Больших башен было семь, а меж ними возвышались ещё девять маленьких. Всюду стояли статуи, похожие на ту, что в школе символизировала Равновесие. Только вот ангельские стороны у всех были изломаны и изуродованы. Ледяной ветер гулял по огромным дворам, где, словно муравьи, шныряли демоны и жуткого вида существа, отвергнутые Раем.

Я с трудом припоминала полученные на земле знания о семи уровнях Небес, но сейчас мне было трудно ориентироваться. Школа находилась на самом низшем — Велоне, где бессмертные помогают миру людей. Но представленная моим глазам местность разительно отличалась от той, к которой я привыкла. Тут не было летающих островков с искрящимися на солнце водопадами, и морозный воздух пах пеплом и смертью.

Мы с Мальбонте оказались на балконе самой высокой из башен, откуда был хорошо виден весь замок. Солнце скрылось стремительно, потому во дворе, на башнях и стенах постепенно загорались сотни факелов.

— Добро пожаловать в мой подпольный лагерь, — возвестил Мальбонте с усмешкой, отпустив мою руку, и я тут же поспешила взглянуть на порез. Он, казалось, затянулся, но края почернели, будто обожженные.

Клеймо. Оно теперь будет на мне вечно, как и на нём.

Нас встретил до жути довольный Фенцио с мерзкой торжествующей ухмылочкой на лице.

— Вижу, сделка состоялась, мой повелитель! — прошелестел он приторным голосом, от которого страх под моей кожей заменило жгучее презрение. Ангел оглядел меня заискивающе и насмешливо. Он прямо светился от ликования.

— Я же говорил, что ради власти Ребекка отдаст что угодно. Даже собственную дочурку. За все годы я хорошо изучил мышление этой потаскухи, как и её слабые стороны. И...

Мальбонте поднял руку, одним повелительным жестом приказывая бывшему учителю замолчать, и тот немедленно заткнулся, трусливо и виновато опустив голову.

«Знай своё место, шавка», — мысленно позлорадствовала я, не сводя с него испепеляющего взгляда. Если бы не присутствие Мальбонте, я бы бросилась на этого гада и разодрала в кровь его самодовольную физиономию.

Полукровка шагнул к перилам, обозревая свои владения, и повернулся к Фенцио.

— Скоро придут новобранцы во главе с Саферием. Ребекка выполнила и это условие достойно, вопреки твоим опасениям.

Фенцио нервно кивнул, слушая своего господина.

— Позаботься о том, чтобы их расселили по казармам, выдали мечи и обмундирование, и поручи Пихтиону начать тренировать их с завтрашнего утра. А ещё... среди них будет дочь Мамона. Обеспечь ей более комфортные условия, выдели покои в девятой из малых башен.

— Будет сделано. Что-то ещё?

Мальбонте взглянул на меня, смотрел долго, не мигая. А потом бросил Фенцио:

— Пока нет. Оставь нас. И помни: никто не должен знать о нашем преждевременном возвращении. Я сам объявлю о помолвке. Начинайте подготовку к свадьбе.

При последнем распоряжении меня передёрнуло и затошнило. Ангел улыбнулся еще шире и пакостнее.

— Слушаюсь.

Когда Фенцио ушёл, мы с Мальбонте остались одни. Меньше всего я хотела бы провести в его обществе хотя бы пару минут. Он был мне отвратителен до боли, до дрожи, до скрежета зубов. Всё моё существо восстало против него и этой ужасной помолвки. Одно лишь радовало: ритуал, проведенный мамой, ещё не означал свадьбу, а это значит, что я ещё не принадлежу ему целиком.

— Чудовище с огромными рогами, копытами и маленькими ангельскими крылышками. Взгляд добрый, но скрывающий непомерную злобу, — зачитал наизусть Мальбонте, задумчиво растягивая слова. Он облокотился на перила, касаясь их костяшками пальцев. Ветер шевелил бордовые перья его сильных крыльев и ерошил чёрные волосы. — Так обо мне написано в трактате о Маль-бон-те?

Последние слова он отчеканил по слогам, словно отбивая их молотком до состояния пыли. От внутреннего мандража я не сразу поняла, что он обращается ко мне. Не ответила, лишь кивнула, стараясь не смотреть на него. Это всё, что было в моих силах — пытаться игнорировать.

Пассивная агрессия — жалкий ход, но что ещё у меня осталось?

— И что же? Я похож на чудовище? — спросил он снова, скользя глазами по моему профилю. Испытующе, настырно. Но я лишь крепче сжала зубы, даже не стремясь вступить в диалог.

Он подождал, но потом лишь усмехнулся уголком рта, кивнув самому себе.

— Что ж... молчание — тоже ответ.

Его тон сделался серьезным, пробирающим до костей. Он медленно подошел ко мне, и только сейчас я в полной мере ощутила нашу разницу в росте. Мои губы предательски дрогнули, но я по-прежнему упорно старалась не смотреть на него, но и не зажмуриваться — не показывать слабость и страх.

Тогда Мальбонте властно взял меня за подбородок указательным и большим пальцами, приподнял его, вынуждая смотреть на себя.

Его глаза, испытывая, мучительно пожирала мои. Я дёрнула головой, пытаюсь вырваться из плена этих колких зрачков, но он не позволил.

— Ты считаешь меня злодеем? Мстительным? Сумасшедшим? — его голос прозвучал тихо и хрипло. Я с трудом разлепила пересохшие губы.

— Так... говорят о тебе.

— Плевать, что говорят остальные. Ты считаешь меня таким?

Он нависал надо мной, подобно утесу, закрывая собой всё пространство. Я почувствовала, что мне не хватает воздуха и судорожно вдохнула.

— Считаю. Ты отнял мою жизнь.

Честное признание сорвалось неосознанно. Мальбонте хмыкнул, кивнул и отпустил меня, отступив на шаг. Его лицо сделалось холодным и жёстким — ничего не выражающим. Он вновь отошёл к перилам, оперевшись на них обеими руками. Смотрел на раскинувшийся внизу некогда мертвый город, что теперь вновь был наполнен жизнью.

— Знаешь, что это за место? — спросил он вдруг после долгого молчания. Я покачала головой, осторожно приблизившись к краю. От увиденного во всю ширь великолепия древности захватило дух. Некоторые из семи главных башен были оплавлены, словно их коснулось пламя такого жара, что поплыл камень. Как такое возможно?

— Этот город моего детства, — сказал Мальбонте. — Его построили в знак окончания первой войны меж Адом и Раем. В знак перемирия и Равновесия. Он был нейтральной территорией меж мирами... главным торговым путем, что соединял Цитадель — столицу Небес — и Пандемониум* — столицу Ада. Если на карте соединить три эти точки, то Силентиум стоит ровно посередине.

— А что... с ним случилось потом? — любопытство возобладало, и я задала вопрос, внимательно осматривая огромную крепость. Мальбонте усмехнулся каким-то своим мыслям и повернулся ко мне вполборота.

— Началась вторая война между Адом и Раем. И обе стороны мечтали захватить влияние над этим замком. А потому разрушили его до основания и больше так и не восстановили.

— Как и тот город ангелов, где гнездятся Змеи... — заметила я, и Мальбонте охотно кивнул.

— На земле столько войн, Вики. И, порой, трудно понять, какая из сторон конфликта не права больше. Каждый борется за свои цели и идеалы. За территорию, право продолжить свой род... за выживание. И Небеса в этом плане ничем не отличаются.

— Ты борешься за выживание? — я не смогла сдержать ядовитую улыбку, но Мальбонте на мою злость лишь ухмыльнулся.

— С самого рождения, — выдохнул он, и я, не отдавая себе отчета, удивленно взглянула ему в глаза. Моя реакция его, кажется, позабавила, и он продолжил:

— Меня тоже притесняли всю жизнь, как и демонов сейчас.

— И поэтому ты развязал войну?

Не знаю, что придало мне смелости говорить с ним так, но я знала, что он ничего не сделает мне, пока внутри бушует Его сила. Он стиснул зубы на миг, но ответил спокойно:

— Война была неизбежна и без меня. Ты сама видела казнь адмирона за какой-то невинный поцелуй. А твою мать при этом пощадили, хотя виновны были оба.

Напоминание о Винчесто всколыхнуло волну болезненной скорби. Я сжала руки в кулаки так сильно, что побелели пальцы.

— Это ты его подставил! — гнев и боль были неудержимы, пересиливали беспомощность. Мальбонте никак не отреагировал, лишь пожал плечами.

— Я лишь продемонстрировал, во что ангельское правосудие ставит сыновей и дочерей Ада, какими бы высокими титулами те ни обладали. Не я приговорил его к смерти. Я лишь толкнул нарушить закон.

Веки защищали предательские слезы, и я снова отвернулась. Грудь сдавило от боли и горечи несправедливости, а заодно и от мучительного осознания, что слова Мальбонте правдивы, хотя всё во мне противилось этой истине.

— А Сэми? А Лора? Их тоже не ты приговорил?

Мальбонте приподнял брови, словно не понимая, о ком я, но осознание поселилось в его взгляде, и он поджал губы.

— Необходимые жертвы. Цена моего освобождения.

— Как и я? — процедила я сквозь сжатые от обиды зубы.

— Как и ты, — согласился он, даже не пытаясь увилить или оправдываться.

— А Бонт? Он тоже был необходимой жертвой? — при воспоминании о нём, и о том, что ангел пострадал из-за меня, отчаянье и чувство вины пропитали голос. В глазах Мальбонте вновь отразилось удивление. Он молчал, и тишина была гнетущей. Лишь завывания ветра в руинах башен да отдаленные крики командиров далеко внизу.

Спустя время, он медленно, негромко задал вопрос:

— Хотела бы увидеть Бонта снова?

Я прикусила губу, а вместе с ней свою невыразимую тоску, рвавшуюся наружу вместе с гневом и слезами.

— Из-за меня Бонта теперь нет... мне не нужно было его освобождать!

— Я задал тебе вопрос, — терпеливо повторил Мальбонте. — Ты хотела бы увидеть его снова?

— Хотела бы! И я уверена, что где-то там он всё ещё жив. И страдает, видя что вытворяет неподвластное ему тело.

Недоумевающее выражение лица Мальбонте тотчас сменилось лукавой усмешкой. А после он откинул голову назад и разразился долгим горько-насмешливым хохотом.

— Что смешного? — задалась я, не пряча негодование.

Мальбонте перестал смеяться, но было видно, что спокойствие далось ему с трудом.

— Бонт не был полноценной личностью, Вики. Он был лишь одной из частей. Моей доброй стороной, искусственно лишённой всех отрицательных качеств, а вовсе не «самым чистым ангелочком», каким ты его считала.

Мальбонте задумался на мгновение, пока я с широко распахнутыми глазами переваривала услышанное, а затем спросил:

— Представь, если бы тебя лишили всего плохого, что в тебе есть. Это была бы ты?

— ... нет, — неуверенно согласилась я, признавая поражение. Мальбонте облегченно вздохнул.

— Верно.

Он приблизился. Наклонился надо мной, глядя как-то иначе, чем до этого. Но мне всё равно хотелось спрятаться от этого чужого взгляда враждебных глаз. Бонт всегда смотрел открыто и наивно, что мои щеки розовели от смущения, но то было приятное чувство... словно при первой детской влюбленности, окрыляющее и светлое. Мальбонте же давил всем своим существом, даже когда спокойно стоял рядом.

— Бонт — это я, понимаешь? — с неизменной усмешкой сказал он, и я невольно покачала головой.

— Нет... ты — не он.

— Он, Вики, он, — настоял Мальбонте, забавляясь моим недоверием. — Его не вернуть, потому что он никуда не уходил. И вовсе не страдает, как ты выразилась... Думаешь, лучше жить взаперти без воспоминаний о своём прошлом и без права даже узнать проступок, за который тебя так жестоко наказали, чем обрести свою истинную суть а заодно и свободу?

Я вновь нервно прикусила губу, отвернувшись от него.

Взгляд Мальбонте меж тем с моих глаз опустился ниже. Он оглядел моё тело с головы до ног, как уже делал это у школы, отчего я отпрянула, охваченная неконтролируемой паникой, но он смотрел, скорее с исследовательским интересом, чем с желанием.

— Я помню каждую встречу с тобой, Вики, — произнёс, погруженный в раздумья. Я невольно вспомнила ту маленькую шалость с раздеванием, которую устроила перед зеркалом, и наш чувственный поцелуй в холле. И от этого краска бросилась в лицо, а с губ сорвался непроизвольный вздох.

— Помню твою заботу обо мне... — продолжал Мальбонте, будто не замечая моего смятения. — Если бы не она, кто знает, как бы между нами шёл разговор, даже несмотря на... новые обстоятельства.

— И чего ты хочешь добиться, освободившись и принеся все эти «необходимые» жертвы? — спросила я резко, стараясь вернуться к прежней теме войны. Разговоры о Бонте и остальном давались куда сложнее.

Мальбонте помолчал, в который раз оглядев свою собравшуюся внизу армию. И твёрдо уверенно сказал:

— Справедливости.

— Неужели?! — не выдержала я. — Хочешь сказать, ты просто бескорыстно борешься за права демонов? И нет здесь никакой личной выгоды? Никакого стремления к единичной власти?! Никакой крови, пролитой ради собственных амбиций?!

Не знаю, что придало мне сил. Нервы просто не выдержали, и я рассмеялась ему в лицо.

— Ты просто дурак, если думаешь, что я поверю в твои благие намеренья! Хотя, отдаю тебе должное, наивность Бонта и вправду никуда не делась!

Не нужно было этого говорить! Я тут же пожалела, и сердце кольнуло от опасения за его реакцию на подобную дерзость, которая не заставила себя ждать.

Его лицо вмиг исказила ярость, полыхнувшая в черных глазах неистовым огнем. Он резко схватил меня за запястье и притянул к себе так, что у меня перехватило дыхание от ужаса, его близости и непредсказуемости событий. Разум твердил, что опасаться мне нечего; он не причинит мне серьёзного вреда, но в то же время я понимала, что смерть — иногда не самое худшее наказание.

— Ты — моя будущая жена, Виктория! — прорычал Мальбонте, держа руку так крепко, что её пронзила тупая боль. — И ты помогла Бонту. Потому я не стану заковывать тебя в цепи или убивать, как поступил бы с любым за подобную выходку. Но моё терпение имеет границы.

Кто-то осторожно подошёл к балкону и притаился у двери, не решаясь прервать наш диалог. Я почувствовала слабую энергию, но не оглянулась. Мальбонте порывисто отпустил меня, почти оттолкнул, раздраженно скривив губы и, не сводя с меня недовольных глаз, приказал:

— Отведи королеву в её спальню, Мелади. Ей нужно отдохнуть.

Только сейчас я заметила хрупкую девушку с демоническими крыльями, ожидающую у входа. Она низко поклонилась, и мне в который раз стало не по себе от этого раболепного жеста, как и от звания «королева», произнесенного устами Мальбонте.

«Королева имеет власть, а я — попросту вещь», — жуткая неприятная правда. Передернув плечами, я направилась к выходу, но Мальбонте вдруг поймал меня за предплечье, задержав.

— Не вздумай противиться. Отсюда ты никуда не сбежишь, — бросил он холодно, предупредительно, но без скрытой угрозы в голосе, затем отпустил и отвернулся снова к утопающему во мраке ночи городу, пронзенному мириадами ярких огней.

Я покорно плелась следом за молчаливой служанкой, едва переставляя ноги. Усталость и горечь утерянной прежней жизни давили нестерпимым грузом на плечи.

Люцифер... он остался в башне, ему не позволили полететь с нами. Что он станет теперь делать? Нам даже не дали попрощаться...

Я бы многое отдала, лишь бы оказаться сейчас в его жарких объятиях. Была даже готова к его вечным жестоким насмешкам и шуточкам, только бы уткнуться ему в шею и ощутить ставший таким родным запах тела.

Я коротко всхлипнула, но служанка не обратила на это внимания или же тактично промолчала. Она остановилась перед массивной тяжелой дверью в конце длинного коридора и отворила её. Моим очам предстала просторная комната с большой кроватью, гардеробом и прилегающей ванной. В ней было тепло в сравнении с балконом и лестницами, в камине трещали поленья.

Охваченная ознобом, я и не заметила, насколько сильно замерзла. Почему здесь так холодно?

— Я принесу ужин, Ваше Величество, — осторожно сообщила девушка. — И воды для ванны.

— Я не голодна, спасибо, — отозвалась я. — И ванны тоже не нужно. Оставьте меня, пожалуйста, одну.

Девушка замешкалась, но в конце концов кивнула:

— Как желает моя королева. Спокойной ночи.

Когда дверь закрылась, я облегченно выдохнула, больше не сдерживая накопившееся напряжение и горькие рыдания. Бросилась на постель и зарылась лицом в подушки.

Ревела, металась по простыням, рвала на себе волосы, но этим делала только хуже. Легче не становилось. Моей участи это не отменяло.

Но в то же время я радовалась. Радовалась тому, что эту ночь проведу совсем одна. И это стало одним из последних глотков свежего воздуха перед неминуемой гибелью.

Сколько ещё ночей мне придётся провести в спасительном одиночестве, не ощущая на своём теле отвратительных прикосновений будущего мужа? Я закрыла глаза, помотав головой из стороны в сторону. Не хотела даже представлять то, какими станут мои ночи после того, как пройдет настоящая свадьба. Самые страшные муки Ада покажутся мне тогда райскими наслаждениями!

Глава 3 Слава Виктории!

Ночью пришли кошмары. Неясные, душасщие, страшные образы, окутывающие, наползающие со всех сторон. Я бежала куда-то, не разбирая дороги, в полной тьме среди острых скал, напоминающих клыки огромного монстра, раскрывшего пасть. Тьма обступала, звала, шептала, искушала принять её, окунуться с головой... попасть в эти липкие сети. Из неё сочился жуткий, вездесущий пробирающийся до костей голос, и два горящих огнём глаза светились где-то в глубине влекущего к себе омота.

А потом тьма исчезла, словно растворившись с первыми лучами нового утра, и я вышла из неё к обдуваемому ледяными ветрами обрыву, на самом краю которого стоял маленький напуганный мальчик, окруженный десятком взрослых, вооруженных мечами и луками, чьи острия и стрелы были направлены на него. Сердце гулко ёкнуло в груди... что-то в этом ребёнке было до ужаса знакомым... Осознание не заставило себя ждать, и я замерла, не сводя с него настороженных глаз.

— Не подходите ко мне! — прокричал маленький Мальбонте. Ветер хлестал его по лицу и крыльям, тербил растрепанные смольные волосы.

Ближе всех к нему стоял кудрявый старик в длинной белоснежной рясе.

— Успокойся, мы не хотим тебе зла, — миролюбиво возвестил он, обернувшись к остальным. — Ради Шепфа уберите оружие. Всё хорошо, мальчик. Тебе просто нужно успокоиться.

— Нет! — упрямо повторил Мальбонте.

— Сдавайся и пошли с нами! — не выдержал командир окруживших его солдат. Все они были ангелами. — Захария, твои уговоры не помогут! Только оружие способно укротить этого монстра!

— Никуда я с вами не пойду! — отозвался Мальбонте, отступив ещё к самому отвесу, под которым простиралось море, с рёвом бьющееся об острые камни. Крыльшки мальчика были плотно прижаты к спине, и, только подойдя ближе, я поняла, что они скованы золотой нитью, которая впивалась в живую плоть всё больше при каждом движении. Из ран лились тонкие ручейки крови, пачкая его серые перья.

— У тебя нет выбора, чудовище! Ты окружен!

Командир поднял руку, и солдаты, выставив вперёд клинки, двинулись на ребёнка. Мальбонте снова попятился, и несколько камешков сорвалось в пропасть. В его глазах стоял ужас и слёзы.

— Я... ни в чём не виноват! — выкрикнул он, и от его отчаянного крика проилась звуковая волна, которая смела половину бессмертных, часть из которых больше не поднялась.

— Прекрати сейчас же! — грозно прокричал старик в рясе, отдав приказ стрелять. Я ахнула, услышав свист стрел, направленных в Мальбонте. Но он снова в страхе закричал, и стрелы застыли в воздухе от такого мощного сопротивления. Лишь одна угодила ему в

руку, и мальчик закричал ещё сильнее, выпуская всю свою ненависть, перемешанную с болью и ужасом.

Бессмертные заткнули уши, падая на колени один за другим. Кровь хлынула из их ртов, носов, а затем и глаз. Они вопили, побросав мечи и луки, металась в предсмертной агонии. А после падали навзничь... дрожали в конвульсиях и затихали. Мальбонте кричал, закрыв глаза ладошками, он тяжело дышал и плакал; его плечики судорожно вздрагивали. Он тоже упал на колени, шепча что-то сквозь частые всхлипы.

— Не трогайте меня! Я не виноват... не виноват!

Но когда он понял, что никто не отзывается, медленно убрал руки от лица и вздрогнул, увидев перед собой пепелище, заваленное грудой безжизненных тел. Его покрасневшее лицо разом побледнело. Губы медленно разлепились, выпустив нервный выдох, а глаза округлились в неподдельном потрясении.

— Нет...

Казалось, он уже не замечал боли от торчащей из его ручки стрелы... и крови, пропитавшей его черную холщовую рубашку. Просто стоял и пораженно смотрел на трупы бессмертных, распластавшихся под ногами. Я, застыв от увиденного, тоже глядела на них, а потом перевела взгляд на напуганного, потерянного ребёнка, что остался один на один со своей Силой и ненавистью.

В голове не было определенного плана, желания выгоды или воспоминаний о его взрослых грехах, когда я подошла к нему и аккуратно опустила ладонь на плечо.

Мальбонте снова вздрогнул, медленно повернул ко мне голову и, казалось, удивился ещё больше. Его глаза были полны мольбы и сожаления, и он одним неистовым порывом прижался ко мне, обхватив здоровой ручкой мою талию и уткнувшись лбом в живот.

Вторая рука безжизненно висела вдоль тела, и кровь текла по сжатым в кулак пальчикам, капая на каменистую землю. Он снова заплакал. А я инстинктивно обняла его, пригладив взъерошенные непослушные волосы.

— Всё хорошо... — прошептала и поддела пальцами золотую нить на его крыльях, постаралась освободить их как можно осторожнее. Мальбонте тут же отстранился, вновь взглянув на меня, на этот раз с благодарностью. Потом внезапно поморщился, перевёл взгляд на своё кровоточащее плечо, схватился за древко стрелы, стиснув зубы.

— Не надо... лучше... — предостерегла я, понимая, что совершенно не имею понятия, как правильно вытаскивать стрелы. Но вдруг видение начало рассеиваться, я стала отдаляться... уплывать обратно во тьму. Мальбонте вытянул здоровую руку, пытаясь поймать меня, но в итоге не стал бежать за мной. Лишь стоял и смотрел, как я отдаляюсь от него. Смотрел до тех пор, пока сам не превратился в неясную точку где-то на горизонте.

Я вскочила на смятой постели, охваченная лихорадкой. Крупные капли пота падали на щеки со лба, волосы слиплись, одежда неприятно приклеилась к телу. В горле стоял ком сочувствия, ужаса и досады. За окном распростерлась непроглядная ночь, но её темнота не вызывала опасений в сравнении с той, что подстерегала по ту сторону сна.

Потрясение после пережитого кошмара ещё долго не давало прийти в себя. Я лежала, задыхаясь и положив ладонь на часто вздымающуюся грудь. Безумно хотелось пить. Глаза щипало от слёз.

Он был ребенком... и я пожалела его, просто не смогла остаться в стороне. Но стоило мне открыть глаза и прояснить собственное сознание, как вся ненависть и презрение к Мальбонте вернулись, накатив с новой силой, подобно пенящейся морской волне.

«Что бы он ни пережил в детстве, почему бы ни оказался на том обрыве, это не отменяло того, кем он стал. Он — чудовище, играющее чужими судьбами ради своей выгоды», — я повторила эту фразу трижды, словно заучивая, как святую истину. Хоть сердце в груди по-прежнему сжималось от сочувствия к тому маленькому запуганному мальчику.

«Злодеями просто так не становятся... за любым злом всегда стоит страшная трагедия».

Стараясь не поддаваться подобным мыслям, я закрыла глаза и вновь попыталась заснуть. Я не стану ему сочувствовать... не стану. Может, в детстве он и заслуживал жалости, но не сейчас... не сейчас. Ненавидеть проще, чем искать золото в золе. Ненавидеть всегда проще, особенно когда нанесенная рана так свежа, а страх сковывает конечности всё сильнее с каждой отбитой часами секундой.

Утром я проснулась совершенно разбитая. С гудящей головой, опухшими глазами и содранными ногтями.

Служанка, коротко постучавшись, тихо вошла, поставила на стол поднос с завтраком и принялась выгребать пепел в камине. Вторая — уже знакомая мне Мелади — принесла два ведра воды, от одного из которых шёл пар. Я села в постели, прижав колени к груди, и, молча, наблюдала за ними.

Весь этот замок с его мрачными обитателями навевал чувство безысходности. К завтраку я так и не притронулась, а на ванну всё же согласилась.

— Давайте, я вымою Ваши волосы, моя королева. И натру тело лавандовым маслом для свежести, — предложила Мелади, и я взглянула на неё так, что девушка мгновенно потупилась, извинилась и, пятясь, оставила меня одну. Я не хотела обижать её, но мысль о том, что меня будет кто-то мыть, казалась настолько дикой, что просто не укладывалась в голове.

Пока я приводила себя в порядок, девушки подбирали для меня одежду. Выложенные из шкафа платья напоминали одеяния средневековых принцесс.

— Его Величество намерен представить Вас знати, потому Вы должны выглядеть подобающе статусу, — пояснила другая дьяволица, более крепкая, с короткими рыжими волосами.

— О, эти платья шились в лучших мастерских столицы Ада! — восторженно проговорила Мелади, нежно глядя прекрасную бордовую ткань. Я растерянно кивнула, не разделяя их воодушевления. Однажды сказала Бонту, что люблю одеваться ярко, чтобы выделяться на фоне остальных... злая ирония.

Я стояла подобно манекену. Холодной бездыханной кукле, пока служанки хлопотали над нарядом, затягивая тугий корсет, выгодно подчеркивающий грудь, на спине, да так, что мне стало проблематично сделать вдох, но я смолчала. Какая разница, упаду среди двора от нехватки кислорода или нет. Разве это важно для красивой куклы?

Волосы девушки тоже умело уложили в высокую причёску, пустив две волнистые пряди вдоль висков и скул.

— Вы прекрасны, моя королева! Высшие чины Ада будут покорены, — сказала Мелади, но я в ответ лишь равнодушно качнула головой.

Мими и остальные добровольцы прилетели ещё ночью. Так, по крайней мере, говорил Мальбонте. Я видела много знакомых лиц на улице, когда в сопровождении служанок и двух молчаливых демонов-стражей проходила огромные каменные арки, галереи и залы замка, направляясь на балкон, который открывал вид на главный двор, где уже собралась бесчисленная толпа.

Мальбонте стоял там, облаченный в дублет из чёрного бархата, черные брюки и высокие кожаные сапоги. Кроваво-красные крылья удачно гармонировали с его холодным сдержанным образом, такими же темными глазами и волосами, и бледным восковым лицом.

Видя его крылья, я вдруг вспомнила, какими они были у него в детстве: белыми у основания, плавно отенок за оттенком перетекающими в чёрные.

Стражи и служанки остались в тени колонн, не смея подойти ближе к королю. Я тоже замерла на мгновение, понимая, что нужно сделать шаг. Мальбонте вдруг повернул голову, придирчиво оглядел меня с ног до головы, и губы его изогнулись в усмешке. Он протянул мне руку, учтивым жестом приглашая выйти к гудящей внизу толпе.

Я нервно сглотнула, успев понять, что гомон двора резко стих. Все затаили дыхание в предвкушении увидеть «королеву».

Я не протянула руки в ответ, а, гордо вздернув подбородок, шагнула на залитый утренним солнцем балкон.

Мальбонте на это снова усмехнулся, но ничего не сказал. Он обратился к толпе:

— Хочу представить вам мою невесту и вашу будущую королеву, обещанную мне клятвой крови!

Его голос, сильный, властный, уверенный и громкий прокатился по площади, доносясь до ушей каждого из присутствующих. Я во все глаза смотрела на собравшееся передо мной общество, не зная, что сказать, и благоговейный трепет вместе с суеверным ужасом накрыл волной мурашек мою напряжённую, неестественно прямую спину.

Здесь собрались высшие чины Ада. Демоны и дьяволицы, о которых на земле собраны целые трактаты, в честь которых люди создавали культы и секты, которым до сих пор приносили жертвы... Редкие из них имели человеческий облик, но каждый носил украшения в виде особенной богатой символики, кричащей о власти, происхождении и статусности своего носителя. Самые влиятельные стояли ближе всего к балкону.

Астарот — повелитель змей и хранитель сокровищ Ада — чрезвычайно худой, обнажённый по пояс, несмотря на холод, с двумя острыми и витыми длинными рогами. Он очаровательно улыбался, ладонью поглаживая гадюку, обвившуюся вокруг его неестественно длинных тонких пальцев. А рядом с ним стояла жена — Астарта с извивающимися длинными змеями вместо волос, облаченная в шлем в виде полумесяца и узкую набедренную повязку. Её обнажённая грудь была полной и упругой, под стать точеной фигуре воительницы. Ангелы сму-

щенно отводили от неё глаза, а демоны бросали алчные, похотливые, восхищенные взгляды. Оглядев меня, Астарта что-то шепнула мужу и оба они посмеялись.

Неподалеку от них на двуглавом драконе, больше похожем на курицу, восседал мальчик с крохотными ангельскими крыльями, и как бы я ни напрягала свои знания демонологии, не могла припомнить его имени. За ним безмолвно стояли призрачные легионы, от чьего вида у меня мороз пробежал по ребрам, и я поспешно отвернулась.

Демон с головой мула и хвостом павлина, огромное чудище с телом льва и хмурым человеческим лицом, демон с головой единорога, демон с головой ворона, могучий воин с головой быка... Обнаженный мужчина с огромными рогами, пожирающий меня таким развратным взором, полным открытой, неистовой похоти, что я ощутила себя обнаженной не только душой, но и телом перед этими созданиями, несмотря на вполне целомудренное платье.

«Это не школа, где учатся неокрепшие дети истинных чудовищ. Здесь собралась вся аристократия Ада»

Князья и герцоги. Бароны и кардиналы.

Моё сердце едва не выпрыгнуло из груди при этой мысли. После убийства мной Сатаны они осиротели и поспешили примкнуть к новому сильнейшему покровителю. Но что-то мне подсказывало, что на сторону Мальбонте встали далеко не все.

За аристократией толпились низшие чины, солдаты, облаченные в черно-алую броню, командиры, а следом слуги, сбежавшие заключенные и прочий сброд. Стараясь унять бешеное волнение и стоять прямо, я отчаянно попыталась найти в толпе знакомые лица. Мими ободряюще улыбнулась, помахав мне рукой, и её присутствие среди этого опасного сборища придало немало сил.

Неподалеку от подруги я заметила Ости, что прожигала меня взглядом, полным жгучей ненависти и зависти. Мы никогда не ладили, и после битвы у школы Ости улетела сразу вместе с Мальбонте и остальными. Она злилась на мою маму, но я ведь ничего ей не сделала...

Я краем глаза взглянула на Мальбонте, что держался перед ними расслабленно и уверенно. Легко было понять, что его сокрушающая сила и тёмная аура подчиняет этих влиятельных монстров так же, как и простых слабых учеников школы. На него все эти напыщенные высшие демоны глядели с уважением, опаской, вожделением и даже раболепием. Никто из них бы не осмелился в открытую бросить ему вызов. Меня же оглядывали, будто товар, не скрывая пренебрежения и любопытства, с каким обычно смотрят на диковиннуюмышленную обезьянку, танцующую в красивом наряде для развлечения толпы.

— Непризнанная... — раздались короткие шепотки.

— Смертная? Какого дьявола тут делает смертная?

— Я слышал о ней... это дочь серафима Ребекки.

Женщины осматривали меня с недоумением и открытой неприязнью. Многие мужчины же раздевали глазами.

— Почему он решил сделать королевой слабую смертную? Она недостойна его!

Мальбонте выдержал долгую паузу с загадочной улыбкой на устах, словно позволяя им негодовать вслух, сколько влезет. Но как только вновь прогремел его голос, все мигом замолкли.

— Виктория Уокер, что отрубил голову самому Сатане, не побоявшись сойтись с ним в яростной битве! — провозгласил он, и толпа ошарашенно ахнула. Что-то изменилось в них... презрение сменилось недоверием, а после переросло во что-то иное... Я не успела разглядеть, как Мальбонте развернулся ко мне всем телом, взял мою безвольную ладонь в свою и поднёс её к своим пухлым губам. — Женщина, покорившая моё сердце.

Добавил он так, чтобы слышали все, затем, не сводя глаз с моего побледневшего лица, поцеловал пальцы и тут же отстранился. Толпа после этого разразилась радостными восторженными возгласами. Низшие чины стали выкрикивать моё имя, всюду звучало:

«Слава Виктории!» — и от этого у меня кружилась голова. Мне стало откровенно дурно от тугого корсета, нехватки воздуха и невыносимого волнения, не желающего отпустить дрожащее в лихорадке тело. В глазах потемнело, и я почувствовала, что вот-вот упаду. Упаду и знатно опозорюсь перед этими страшными порождениями зла, древними, как сам Ад.

Но чьи-то сильные руки поддержали меня за талию, не позволяя рухнуть на каменный пол балкона.

Мальбонте резко развернулся и, не говоря больше ни слова, скрылся от взоров подданных под сенью каменных колонн и витражей, уводя меня за собой. Ноги не слушались. Я едва не споткнулась о подол собственного платья, но Он опять подхватил меня, тут же усадив на резную каменную скамью.

Меладри прибежала с кубком, в котором плескалось что-то красное. Вино?

— Нет, — выдавила я сквозь зубы, — воды... пожалуйста.

Служанка быстро сориентировалась. Мальбонте выпрямился, глядя на меня сверху вниз с неизменной серьёзностью на бледном лице. В черных глазах на мгновение сверкнуло восхищение.

— Ты хорошо держалась перед ними, — похвалил он, и мне хватило сил вскинуть на него испепеляющий ненавистью взгляд.

— Теперь что? Запрещь меня в комнате и не позволишь выходить? — мои слова источали яд. Корсет до боли впивался в ребра, дышать становилось всё сложнее.

Он усмехнулся.

— Ты не пленница, Вики. Мне ни к чему ограничивать твои передвижения по территории замка. Но не пытайся уйти за пределы этих стен.

Он кивнул, указав на мою ладонь, ту, что была отмечена *клятвой*, затем пошёл дальше по коридору и вскоре скрылся за поворотом. Но я не сводила глаз со своей метки, невольно задаваясь вопросом, почему это Мальбонте так уверен, что не попытаюсь сбежать? Что случается с теми, кто нарушает данное родителями обещание? Что это за проклятье и как оно действует? И... может ли быть что-то хуже пожизненного рабства в постели чудовища?

Меладри принесла воды, но я лишь обессиленно покачала головой, попытавшись встать.

— Отведи меня в комнату, пожалуйста. Мне нужно снять этот корсет, пока я не задыхнулась.

В одиночестве было спокойнее, как и в привычной одежде. Кажется, я начинала любить уединение. Из мрачных раздумий о своей судьбе меня вырвал взбешенный голос Мими за дверь.

— Дайте пройти, безмозглые ослы!

Я медленно подняла голову. Стражники, наверняка, стояли снаружи, и это с ними боролась подруга. Я встала, подбежала к двери и распахнула её.

— О, наконец-то! — облегченно выдохнула дьяволица, протискиваясь меж застывших в замешательстве гвардейцев, и дерзко захлопнула за собой ворота перед их лицами.

Её покрасневшее от злости лицо тут же сменилось сочувственным выражением, стоило ей оглядеть меня.

— Мальбонте не был с тобой груб? — спросила она, беря меня за руки. Мы сели на кровать друг напротив друга, как любили делать в школе.

— Пока нет, — призналась я, тяжело вздохнув. С Мими могла не прятать истинных чувств. — Но это до поры до времени...

Дьяволица поджала малиновые губы.

— Да... в замке все только и говорят о предстоящей свадьбе. Хотя по сути она уже состоялась. Но, видимо, Он хочет сделать всё по правилам. Тебе выпала незавидная участь, Вики. Но Мальбонте правильно сделал, что представил тебя знати подобающим образом. Так в них поселится хоть толика уважения.

— Мими... мне плевать на их уважение! — произнесла я, поникнув настолько, что сама себе казалась жалкой. — Они никогда не станут воспринимать меня как равную. И понимают, что никакая я не королева, а просто игрушка, к которой скоро не сможет прикасаться никто, кроме **Него**.

Мне было противно произносить даже его имя, когда я думала об этом. Мими грустно склонила голову. Она ничего не сказала, и я была ей за это благодарна.

— Неужели эту клятву никак не разорвать? Неужели не было ни единого случая? И... что будет, если я сбегу? Или покончу с собой?

Все так волнующие меня вопросы посыпались на подругу потоком. Глазами я отчаянно искала ответы на её лице, но находила лишь сочувствие.

— Я не знаю, Вики. У нас не принято об этом говорить... но... — Мими замаялась, но всё же нехотя продолжила. — Мать Люцифера — Лилит — была связана с Сатаной подобной клятвой. В один из веков они сильно поссорились, и она решила уйти. Вот только метка, связавшая их кровью, не отпустила её. Никто не знает, что именно случилось, но высохшее до

костей бескрылое тело нашли через месяц у верхних границ Ада. Говорили, что душа Лилит отныне не найдет покоя даже в Небытие, а будет вечно блуждать во мраке.

От услышанного кровь застыла в жилах.

— Вот... почему Люцифер никогда не говорил о своей матери...

Мими на это нервно кивнула.

— Да... он был совсем маленьким, когда это случилось. У Сатаны было много наложниц и много бастардов, но все они и в подметки не годятся Люци. Дети Союза Крови — всегда самые сильные.

От последней фразы вновь сделалось не по себе, и я обняла себя руками в попытке унять дрожь. Мы промолчали мучительно долгие, тяжелые минуты.

— Ты зря говоришь, что тебе плевать на уважение знати Ада, — Мими бросила опасливый взгляд на дверь и наклонилась ко мне, понизив голос. — Далекое не все они прониклись идеями Мальбонте. Многие преследуют собственные цели, хоть и уважают его силу.

— О чем ты? — устало спросила я.

— О том, что ты можешь со временем найти среди них сторонников, тех, кто, наверняка, знает больше меня и сможет помочь тебе.

— Мне нечего предложить им взамен, да и разве сделки с ними бывают честными?

Мими пожала плечами:

— Для смертных — нет. Их они считают своим долгом обвести вокруг пальца, чтобы пополнить Ад новыми душами. Это их работа, пища и развлечение. Но с бессмертными, особенно привилегированными, они стремятся не уронить свою репутацию. Стоит обмануть себе подобного, и с тобой никто не захочет иметь дел, — пояснила она и снова замолчала, а я усердно обдумывала сказанные слова.

— И... кому из них можно верить?

Мими на это всплеснула руками:

— Верить? Моему отцу! Но доверять полностью не следует никому.

Она вздохнула, упав спиной на постель и уставившись в потолок.

— Как я и ожидала, здесь встретилось много знакомых лиц. В основном, главные сторонники и друзья покойного Сатаны. Вернее, те, у кого хватило ума не вернуться в Ад после того, что они устроили под стенами школы. Небеса их не поглядят по головке за открытый мятеж, потому Мальбонте — их последняя надежда не потерять свою власть, а то и захватить побольше. Те же, что не столь хитры, вернулись домой. Там сейчас полным ходом идет грызня за трон. Рвут друг другу глотки похлеще своры собак, не подозревая, что на самом деле они вовсе не собаки, а воробьи, сцепившиеся за хлебную крошку под пристальным взглядом кота.

— Разве... трон Ада не принадлежит теперь Люциферу? — неуверенно спросила я.

Мими намотала на палец прядь волос.

— Ох... формально да. Но бессмертные редко вспоминают закон о престолонаследии. Зачем, если правитель будет жить и править вечно? То, что случилось с Сатаной, потрясло всех. Но про наследника мало кто помнит. Люци... не пользуется среди них уважением. Но это и неважно. Теперь нового правителя Ада, скорее всего, изберет совет Цитадели.

— Разве серафимы спускаются в Ад?

— Конечно нет! В том-то и дело, — Мими в который раз вздохнула. — Ни они, ни Шепфа ни разу не спускались к нам. Они не знают нас, наших устоев, рангов, порядков. Они не завоевывали нас, но мы чувствуем себя колонией. И это унижительно.

— Но... почему тогда твой отец не присоединится к Мальбонте, как те, кто поступил правильно по твоим словам?

Было заметно, что Мими неприятно или неловко об этом говорить, но она ответила:

— Отец утратил своё прежнее влияние, увы. В аду мало кто желает иметь с ним дело после одного восстания. Он был верен Сатане до конца, потому что тот в одно время помог ему уладить конфликт с Асмодеем и сохранить определенные блага и титулы, которых Асмодей собирался его лишить. Теперь после смерти правителя он оказался в сложном положении. Небеса отвернулись от него, он примкнул к твоей матери, но та пошла на мир с тем, кого отец презирает.

— Почему же тогда он отпустил тебя сюда? В логово к врагу?

Мими на это махнула рукой, кокетливо улыбнувшись.

— Потому что я попросила, Вики. Папа понимал, что таким образом я самолично вручаю Мальбонте рычаг давления на него. Но не думаю, что полукровка станет меня истязать, ведь так верности демона Мамона он точно не добьется. Отец выбрал верную тактику. Он — мастер сделок и всему знает цену. Цена его преданности для Мальбонте неподъёмна. Пока что.

— То есть... его решение может измениться? — не поняла я, на что Мими закатила глаза, перейдя на шепот.

— Всё зависит от Эрагона. Отец ставит на сторону победителей. Если Небеса разобьют Мальбонте, всех его сторонников ждёт смерть. Про меня можно наплести, что я была в плену, а вот про Асмодея, Астарота, Валака и прочих... такого сказать не получится. Но если... Мальбонте выиграет, будет глупостью с его стороны казнить одного из представителей Семи Смертных Грехов. А Мальбонте не похож на глупца.

Мими замолчала, прикусив губу и о чем-то размышляя. Я потерла ладонями свои плечи, снова чувствуя озноб.

— Такое чувство, что ты его поддерживаешь.

Мне хотелось верить, что ошибаюсь, но Мими вдруг мечтательно улыбнулась, откинув голову и резко выдохнув.

— Знаешь... если не брать во внимание то, что этот гад сделал с Сэми, Ади, Винчесто, а теперь ещё и с тобой... Если закрыть глаза на личную неприязнь к нему, то он — единственный, кто способен расшатать застывшее болото верховной власти. Они сидят там невыносимо долго, не дают молодым продвинуться выше звания Престола. А демонов и вовсе не подпускают близко. Слушая разговоры сегодня, я поняла, что возвращения Мальбонте действительно ждали. Возлагали на него надежды, как на того, кто способен, наконец, разрушить приевшийся порядок и открыть дорогу молодым. Сможет ли он — иной вопрос. Но его личность уже — символ желанных многими перемен.

Меня поразило откровение Мими. Ещё никогда мы с ней не разговаривали о политике, и из её слов я почерпнула очень много ценной информации. Дьяволица встала с постели, размяв скомкавшиеся крылья.

— Как бы там ни было, я ненавижу его за то, что он сделал с моими друзьями и намеревается сделать с тобой. И к тому же я никогда не пойду против отца. Как он решит, так и будет, — она опустила голову, помолчав, затем всхлипнула и обняла меня так крепко, что кости едва не хрустнули. — А пока я буду спасать тебя как могу из лап этого монстра. Пусть только попробует причинить тебе боль!

— Мими... — прошептала я, обнимая её в ответ и уткнувшись носом ей в плечо. — Спасибо, что ты рискуешь ради меня. Без тебя я бы сошла с ума от тоски. Не представляю, как себя сейчас чувствует Люцифер...

— Мой отец толкнул твою мать отдать приказ не пускать сюда Люцифера. — нехотя призналась подруга, снова до крови прикусив губу. — Он бы не вынес твоего положения. И нарвался бы на неприятности. В школе ему безопаснее, в Ад он пока не сунется.

Я понимала, что Мими права. Люцифер сделал бы всё, чтобы защитить меня — мне хотелось верить в это. До боли хотелось, как простой наивной дурочке, верящей в сказочных рыцарей. Вот только мой рыцарь носил черные доспехи и бордовое знамя. Я не была уверена, что он относится ко мне хоть вполовину так же, как к нему отношусь я. Несмотря на все обиды и унижения, несмотря ни на что меня тянуло к нему... так сильно его не хватало. Но я старалась не думать... не вспоминать... от этого было ещё больше.

Мими сильнее обняла меня, прижав к себе и проведя ладонью по волосам.

— Хочешь, я дам тебе один совет? Твоё дело прислушиваться или нет... — шепнула она мне в ухо, обжигая горячим дыханием и едва касаясь губами мочки. Я замерла от волнения, готовая услышать что угодно. Ухватиться за любой спасательный круг, за любую соломинку.

— Постарайся... захомутать его, — выдохнула подруга, не позволяя мне резко отстраниться, чтобы взглянуть ей в глаза с вопросом, не спятила ли малышка Мими? — Я понимаю, что ты чувствуешь, Вики. Но в твоих интересах не показывать отвращения, а попробовать наоборот соблазнить Мальбонте, сделать всё ради его благосклонности, и тогда он сам откроет тебе двери к такой власти, о которой ни одна другая женщина не может и помыслить.

Её слова вызвали внутри меня волну возмущения, что вскипела пополам с омерзением. Я едва не оттолкнула подругу, вскочив с кровати и уставившись на неё так, словно увидела впервые.

— Ты предлагаешь раздвинуть ноги и делать вид, что мне нравится? Забыть про всю боль, что он мне причинил, и про свою гордость. Добровольно стать его шлюхой?!

Мими на это невозмутимо повела бровью.

— Вики, у демонов нет такого понятия. Мы любим развлечения, веселье и хороший секс. Последнее, к слову, является мощным женским оружием, с помощью которого можно подобрать ключик к любому мужчине. И если это удастся, ты точно ничего не потеряешь. Даже если Мальбонте проиграет и погибнет, нет гарантий, что клятва крови не заберет в могилу и тебя. Но если он победит... Я не хочу, чтобы ты навечно осталась лишь его игрушкой.

— Нет! Пусть делает со мной и моим телом что угодно. Но я никогда не стану притворяться! — резко осадила её я, повернувшись к окну и судорожно задышав. Мими хотела что-то добавить, но тут дверь открылась, и в комнату вошла Мелади. Она принесла ужин и дров для очага.

Дьяволица поднялась, поправив свои кожаные лосины.

— Мне пора, Вики. Помни, что я всегда буду рядом.

Ночью мне вновь стало дурно. Тело бросало то в жар, то в холод. По коже бегали сотни мурашек. Я старалась не засыпать как можно дольше, боясь что ужасы снов вновь затянут в омуты памяти. Думала о Люцифере, о его жарких объятиях и пошлостях, что он шептал мне на ухо, когда мы отдавались друг другу. Как я скучала по нему, как желала его... даже на расстоянии.

Не могла поверить, что могу испытать подобное влечение к кому-то другому. А уж думать в подобном смысле о Мальбонте... невыносимо.

Вспомнив слова Мими, нервно прикусила губы, завернувшись с головой в одеяло. И сон постепенно завладел мной.

Глава 4 Исповедь короля

Мальбонте развернул потрёпанный пергамент, скрепленный серым воском без гербов и знамён.

Анонимное послание. Глаза стремительно пробежались по буквам и строчкам. На первый взгляд письмо не имело особого смысла, но Мальбонте сумел вычленить его главную, тайную суть.

«Скоро», — читалось между строк, и губы мужчины дрогнули в полуулыбке. Он скомкал письмо в ладони, оно тут же вспыхнуло чёрным пламенем и рассыпалось пеплом.

Мальбонте откинулся на спинку стула, оглядев огромный резной стол перед собой. Он был выполнен из чёрного дерева в виде карты всех Небес с изгибами, островками и мысами вдоль краёв. А единственный стул — символизировал Силентиум, как нейтральную отдельную крепость. Когда-то очень давно лучшие мастера мира воссоздавали этот стол с точностью до миллиметра, но с тех пор миры неоднократно приходили в движение, территории смещались, города вырастали и тлели в руинах. Горы возвышались и рушились. Леса исчезали, а реки меняли русла.

Потому на голой столешнице располагалось лишь несколько фигурок. На месте Цитадели, маленького безымянного городка, где теперь возвышается Школа и на месте порталов, ведущих в Ад. Всё остальное пространство было завалено новыми, бумажными картами, и на них уже толпились фигурки ангелов и демонов. Мальбонте задумчиво сдвинул пару дьявольских деревянных воплощений в сторону школы.

Небеса отреагировали точно в срок, как он и предполагал. Он обещал защитить учеников, но сделать это нужно, не привлекая лишнего внимания. Чтобы не спугнуть врага.

«Цитадель не сможет долго умалчивать о моём возвращении», — подумал он и кивнул сам себе, переведя взгляд в сторону балкона, под которым колыхалось беспокойное холодное море. Солёный морской ветер нёс с собой запахи рыбы, воды и крики чаек.

Мальбонте любил чувствовать ветер на своём лице. Ветер — значит свобода. А свободы он был лишен непростительно долго. Солнце уже тонуло в темно-синих волнах на горизонте, когда к нему осторожно вошла Мелоди.

— Мой повелитель... — обозначила она своё присутствие. Мальбонте чуть повернул голову, слегка наклонив её, обозначая тем самым, что слушает.

— Вы велели докладывать о любых изменениях в состоянии королевы... Она снова кричала во сне. Её тело горит изнутри, она слабеет.

В голосе девушки слышалась тревога и неуверенность. Король снова медленно кивнул.

— Ты хорошо потрудились. Будь рядом с ней. Ей сейчас особенно нужна забота и поддержка.

Служанка торопливо кивнула, поняв, что дальнейшие расспросы неуместны, и, поклонившись, удалилась. Мальбонте ценил подобную покорность в слугах. Но не *в союзниках, не в друзьях и не в женищинах.*

Он предпочитал встречать сопротивление, ведь через него окружающие показывали свой характер, а не прятали под личинами раболепия и всесогласия истинные чувства. Лицемерие он ненавидел больше всего. Лучше ненависть, лучше открытая неприязнь, чем равнодушное молчание.

Королева...

Вики ненавидела его всем своим существом. Он знал это. Знал тому причины. И принимал подобное отношение спокойно, ведь сам заслужил. Было бы очень странно и подозрительно, если бы её огромные глаза цвета голубого льда глядели с прежней теплотой и участливостью, с какой смотрели на Бонта.

Что-то шевельнулось в его груди при воспоминаниях, которые принадлежали, казалось, вовсе не ему. Кому-то другому, чья отдельная жизнь так неровно наложилась на его собственную. Мальбонте был готов к такому. Его добрая сторона металась, разрываемая противоречиями, отказываясь принимать то, что он — часть того самого зла, которого его учили опасаться. И в голове бесконечно звучали слова Шепфа, от которых ладони Мальбонте сами с собой сжимались в кулаки.

«Он — зло, Бонт! Остерегайся его! Ты — самый чистый мой ребенок... Нельзя быть посередине... Одна из сторон всегда перевесит».

Мальбонте хищно оскалился.

— Ты прав, старик. Но на этот раз твоей чаше весов перевесить не суждено. Я убью многих твоих созданий, что встанут на моём пути. А потом доберусь и до тебя.

Дверь за его спиной глухо скрипнула, и Мальбонте без труда распознал энергию вошедшего. Красное вино и клубника. Он не шелохнулся, продолжая смотреть на закат. Девушка тихо кралась к нему, стараясь не стучать высокими каблуками.

— Мой повелитель... — прошептала она, обнимая его со спины. — Вы желали меня видеть?

Она потянулась, чтобы поцеловать его в шею, скользнув руками к груди и животу, но Мальбонте стремительно развернулся, перехватив её запястья и отстранив от себя.

Ости недоуменно захлопала зелёными глазами, такими злыми и холодными, но на него она всегда смотрела иначе, чем на других.

— Я звал тебя не за этим, — сказал Мальбонте, обойдя дьяволицу, вернулся к столу. — Ты говорила, что Люцифер долго не задержится в школе. Я ожидал, что он прилетит вместе с дочкой Мамона. Но ошибся.

Мальбонте поджал губы, передвинув на картах ещё две фигурки, а потом требовательно посмотрел на Ости. Она выглядела растерянной. Алые губы сжаты в тонкую линию, а глаза бегали по столу.

— Я не понимаю, что его задержало. После битвы могла бы сказать, что причиной тому была Непризнанная. Но сейчас... всё указывало на то, что он явится следом за Вики.

Её имя дьяволица произнесла сквозь зубы и отвернувшись, изо всех сил пряча ревность и презрение.

«Почему она? Чем она лучше меня?» — но ни один из подобных вопросов Ости никогда бы не решилась задать ему вслух, и Мальбонте знал это.

— Оно и понятно. Его отец мертв. Небеса на него наплевали, как и на всех нас. В Аду его сразу же прикончат, стоит ему туда сунуться. Ему больше некуда идти.

Мальбонте пронизательно взгляделся в её напряженный профиль и усмехнулся.

— Так, значит, Виктория отобрала у тебя возлюбленного?

Снова это тревожное чувство в груди. Он не знал, как его обозначить. Смесь обиды и злости, сдавливающей лёгкие. Слабое, едва уловимое, но царапающее по броне невозмутимости, способное перерасти в сокрушительный пожар, сжигающий всё на своём пути. Почему он чувствует это? Почему ему не всё равно?

Вопрос оказался для Ости внезапным. Она резко вскинула голову, посмотрев в глаза своему королю, и в её бледном лице отрицание перешло в испуг, но она совладала с собой, надменно улыбнувшись.

— Он больше не мой возлюбленный. Моё сердце принадлежит только тебе.

Она сделала быстрый шаг к нему, прижав бледные ладони к его груди.

«Как же легко ты даришь себя», — подумал Мальбонте, склонив набок голову. Демоны полигамны в большинстве своём. Похоть, страсть и плотское наслаждение — их среда. Они, в отличие от ангелов, не страшатся порока, а охотно предаются ему. Ости доставляла ему физическое удовольствие с первой ночи их прилёта в замок.

Она не теряла зря времени в попытках заполучить внимание сильнейшего из мужчин, которых когда-либо встречала. И Мальбонте позволил.

Дал ей возможность показать себе ту сторону жизни, что до сих пор была ему не знакома и не доступна. Он слышал, что похоть способна затуманить сознание, но его разум всегда оставался чист и холоден, что бы ни происходило с телом.

Так и сейчас, когда дьяволица вновь поцеловала его в открытую от одеяний шею, принявшись ласкать ловкими ручками его грудь и живот, он оставался почти что невозмутимым, хотя не раз видел, как похоть лишает мужчин рассудка, превращая их либо в зависимых беспомощных рабов, либо в грязных диких животных, не контролирующихся себя и способных на любые зверства.

Поначалу Ости ласкала его равнодушно, хоть и умело. Старалась угодить и понравиться, пуская в ход всё свое мастерство. Но со временем что-то изменилось. Её прикосновения и поцелуи стали более пылкими, а энергия пропиталась нежным ароматом влюбленности.

Выходит, она не солгала про отданное ему сердце. Мальбонте не отталкивал её от себя, разрешая греть свою постель, но вместе с тем Ости прекрасно знала своё место. И отсутствие ответа с его стороны, его холодность обижали её.

Мальбонте поднял голову, чуть откинув её назад, и оперся ладонями о стол позади себя, когда пальчики дьяволицы легли на его пах, поглаживая член сквозь плотную ткань брюк, и тот невольно отзывался на её касания. Мужчина прикрыл глаза в попытке расслабиться. Но сознание тут же... помутилось, унося его разум прочь от реальности в цепкие когти видений.

Вот она прощается с отцом, который не подозревает, что перед ним стоит сама Вики, но чувствует свою дочь даже за незнакомой внешностью. А рядом стоит Люцифер, играя роль случайного прохожего. Вики подзывает его... он жмёт руку её отцу, улыбается совсем не нахально, а даже искренне.

Мальбонте отворачивается, до скрипа стиснув зубы.

«Так ты всегда вертелся вокруг неё?» — проносится в его голове, и странное раздражение вскипает в венах. Почему-то ему не хочется, чтобы в такой личный для Вики момент с ней рядом находился этот демон. Она плачет, обнимая отца в последний раз. И Мальбонте невольно оказывается рядом, протягивает руку, сжимая кончиками пальцев пряди её светлых волос. Их запах... он помнит их неповторимый цветочный аромат, и это воспоминание пробуждает в нём что-то... что он упорно игнорирует в себе, но оно пробивается на поверхность, как бы глубоко в темные бездны сознания Мальбонте это не заталкивал. И так раз за разом.

«Не печалься, у вас хотя бы есть шанс встретиться на небесах», — говорит он и слышит грусть в собственном голосе. Но Вики не ощущает его присутствия. Конечно, не ощущает.

Пространство кругом снова смешивается, приходит в движение, растворяется, и Мальбонте оказывается на ледяной скале среди снегов. Вики и Люцифер сидят вдвоём на краю обрыва. Он издевается. Нагло играет с ней, высмеивает её слабость, зная, что она испытывает к нему чувства. А после целует. Похабно, насмешливо, преподнося это как подарок. Словно говоря, что она не достойна его внимания и должна гордиться тем, что принц Ада снизошел до такой, как Вики. Мальбонте невольно сжимает пальцы в кулаки. И видение вновь меняется.

Её спальня. Зеркало. Она говорит сама с собой. Говорит что-то о Люцифере, о том, какой он надменный урод, и как она его ненавидит. Но в глазах и жестах чувствуется совсем иное. Она влюблена, но её сердце разбито. Её грозят выгнать из школы. А демон прокрадывается в окно, пытается извиниться, но опять ранит своими словами и пренебрежением. А после... всё оборывается.

Мальбонте вернулся в реальность, охваченный яростью и тем самым непонятным ему чувством, что всё же переросло в пожар и теперь обжигало нутро. Стоит отдать Люциферу должное: без его выходки она бы никогда не пошла в башню и не встретила там Бонта.

Ости меж тем расстегнула его ремень и уже пробиралась за ширинку, но Мальбонте раздраженно сбросил с себя её руки, не позволив дотронуться до своей обнаженной плоти. Он одернул брюки, обошёл стол и сел на единственный стул, всё еще держась за голову.

— Что случилось? — в недоумении спросила дьяволица, но у него до сих пор всё плыло перед глазами. Видения не хотели отпускать.

Заброшенный пыльный холл с цветными витражами. Она и Бонт. Мальбонте с недоверием оглядел своё такое видоизмененное тело, наивные глаза и глупую улыбку. Он целовал её с таким трепетом и нежностью, что полукровка тут же отвернулся, нервно сглотнув.

Странное чувство. Смотреть со стороны на самого себя. Как будто это был кто-то другой — до боли похожий. Сам Маль в это время сидел в темнице, расставлял пешки на невидимой доске, дергал за ниточки и следил, как реализуется его план. А вовсе не лобызался с той, кого следует принести в жертву предназначению.

Он уже тогда знал, что Вики — та самая смертная — поддерживала его идеи, интересовалась личностью и именем, даже не подозревая, во что ей это обернётся.

Но и Маль не мог помыслить, что его добрая часть проникнется к этой девчонке теми самыми светлыми чувствами, которые он сам никогда не испытывал. Злая ирония. Дурацкая насмешка судьбы.

Мальбонте пересилил себя и взглянул на Вики, слившуюся в нежном поцелуе с... лучшей частью его души, единолично занимающей тело. Её ресницы подрагивали, кожа покрывалась мурашками от каждого его прикосновения. Она была так прекрасна... так самозабвенно отдавалась этому моменту.

«Зачем же ты целуешь Бонта — этого невинного безгрешного ангела, раз в твоих мыслях засел Люцифер? Хочешь забыть? Поддаешься любопытству?»

В памяти воскрес ещё один образ. Когда Вики, стоя перед зеркалом, медленно снимала одежду, забавляясь и наслаждаясь смущением ангела... а он смотрел, как завороченный, потому что не мог отвести глаз. Смотрел, чувствуя стыд и сладость первозданного греха, которому хотел, но не смел противиться.

Мальбонте злорадно ухмыльнулся.

«Соблазнить невинного юношу, чтобы залечить свои душевные раны, а потом разбить ему сердце, как было разбито твоё? Этого ты хотела?»

*«Или...» — он тряхнул головой, разгоняя отголоски мыслей этого беловолосого ребенка в теле взрослого мужчины, что теперь вновь соединился с ним самим, остужая собой его неистовую ярость. Никаких «или» там не было. Быть может, она привязалась, быть может, сочувствовала. Сострадание свойственно ей как ни крути. Но каково ей видеть теперь того, кому она помогла, о ком заботилась и так переживала, во всей красе, наделенного тёмной и светлой стороной? Что она испытывает, когда видит его? Мальбонте знал ответ: **Ненависть.***

Ненавидит за то, что отнял её земную жизнь. За то, что причинил боль, убил её друзей. За то, что лишил свободы выбора и просто свободы. Она не понимает, от чего и кого он защитил её этой клятвой. Защитил и проклял одновременно. Обрэк на вечные мучения в случае, если строптивость в ней возобладает над суеверным страхом и здравым смыслом. Он надеялся, что этого не случится. Но знал и то, что те мучения могут оказаться ей предпочтительнее его общества. По крайней мере ей могло так представляться...

Мальбонте снова вынырнул в реальность, жадно втянув носом воздух, словно всё это время не дышал. Ости подошла и заботливо обняла его за плечи, но сейчас её близость и вовсе вызвала в нём брезгливость.

— Убирайся, — бросил он, погруженный в мысли о своей королеве, как её теперь называли многие.

Дьяволица отпрянула, её лицо выразило отчетливую обиду. Но она смолчала. Просто не могла перечить ему, боясь его так же, как и все прочие. Как и все прочие, Ости считала его Чудовищем, видела в нём только Чудовище, преклонялась перед Чудовищем. Желала Чудовище. Может, он и был истинным монстром?

— Ты не слышала? — он бросил на девушку раздраженный взгляд, и та отступила на шаг, стяхнув оцепенение.

— Хорошо, как скажешь, — обрела она дар речи и, стуча каблуками, оставила его в одиночестве.

Мальбонте потёр виски пальцами, затем взъерошил волосы ладонью и поднялся. Эта ночь обещала быть долгой и тёмной, но следующая...

Фенцио сообщил, что к свадьбе всё готово, и некуда было тянуть. Впереди война, а Мальбонте необходимо, чтобы часть его Силы не оказалась в руках врагов, коих у него достаточно.

В древние времена свадебный «Обряд Крови» проходил одновременно с церемонией и жертвоприношениями. Обстоятельства не позволяли совместить и то, и другое. Ребечка отдала дочь, скрепив их кровью, и этого могло быть достаточно. Но демонам нужен пир и соблюдение традиций.

Мальбонте даст им этот пир, хоть его и воротило от одной мысли. Празднества благотворно влияют на боевой дух армии и помогают наладить нужные контакты.

Он покинул чертог, уверенно направляясь по мрачным коридорам к покоем Вики. Не хотел портить последнюю ночь спокойствия своим присутствием, но ноги сами несли его.

Душераздирающие крики девушки разносились по каменным сводам коридора, даже сквозь плотно запертые двери. Мальбонте ускорил шаг.

Стражи у её дверей о чём-то шептались с перепуганными служанками, но, увидев короля, немедленно выпрямились. А девушки тут же поклонились.

— Ваше Величество... она...

Новый надсадный вопль раздался из-за двери, и Мальбонте одним рывком распахнул преграду, входя в полумрак спальни.

Здесь пахло **Ею**. Цветочным ароматом её волос, лавандой и духами. Угли ещё тлели в камине. Вики спала, но каталась по постели, запутавшись в одеяле. Её лицо искажалось от страха и мучений, а руки отчаянно цеплялись за изголовье кровати, словно были к нему прикованы.

Мальбонте в мгновение оказался рядом и осторожно, но уверенно сжал ладонями её плечи, надавив пальцами на нежную кожу. Вики тут же замерла, перестала кричать, тяжело задышала, но не проснулась. По её лицу струился пот. Бледные губы были искушены и разорваны.

— Тише... — шепнул он, садясь на постель и продолжая её удерживать. Он знал, что она видит. Знал, что мучает её. Теперь в ней его Сила, а значит, и кошмары у них общие. Он понял это, когда она, сама того не зная, искадила его самое страшное и болезненное воспоминание, даря странное чувство утешения. Оставляя послевкусие защищённости, хоть и поддельное. Мальбонте был один на том обрыве, но теперь не мог вспомнить, что ощущал на самом деле. Он ненавидел это. Потому что ничего другого чувствовать не умел.

— Принесите воды и полотенце, — приказал он, и служанки, трясущиеся у входа, тут же побежали за всем необходимым.

Мальбонте закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на видениях Вики, вторгнуться в них. Но то, что он увидел, вскрыло давнюю, но до сих пор не успевшую зажить рану.

Ночной лабиринт. Испуганная мать, прижимающая его к себе. Отец, всё время оглядывающийся назад, готовый сразиться с любым преследователем, даже если схватка будет неравной.

Девочка с пепельной прядью волос...

Мальбонте стиснул зубы, сильнее сжав плечи девушки и аккуратно встряхнув её. Вики распахнула глаза, выпадая из морока тревожных снов, но, увидев его перед собой, тут же вскрикнула, отпрянула и отползла к изголовью кровати. На её лице отразилось непонимание.

— Ты видела моё воспоминание? — спросил Мальбонте ровным голосом. Она быстро кивнула, всё ещё не до конца придя в себя. Её била крупная дрожь. — Знаешь, почему ты видишь это?

— Потому что... во мне... твоя сила... — предположила Вики. Голос охрип, а нежные губы пересохли. На щеках пролегла неестественная бледность, заметная даже при тусклом свете. Мальбонте медленно кивнул.

— У каждого бессмертного есть потенциальная способность, которую он может развить. Твоей же оказалось — быть пустым сосудом, способным вобрать в себя часть моей Силы. Только я мог наполнить тебя, и только ты способна уравновесить мою разрушающую мощь.

Он говорил спокойно, даже скучающе. Но Вики всё равно глядела так, будто ждала, что он сделает что-то ужасное. Замерла в настороженном предвкушении подвоха. Уголок губ Мальбонте дёрнулся в горькой усмешке, и он добавил:

— Ключ, подходящий только к одному замку.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, и Вики тут же поёжилась.

— Я... с радостью вернула бы тебе её. Скажи только как? — слабо прошептала она, борясь с непролитыми слезами. Мальбонте изучал взглядом её лицо, выражавшее решимость, и глаза, полные надежды, что такой способ есть. И чуть заметно качнул головой, наблюдая, как эта самая надежда медленно гаснет, сменяясь серой обреченностью.

— Нет такого способа, Вики. Даже если ты умрёшь, Сила, скорее всего, исчезнет вместе с тобой, а не вернётся ко мне. Поэтому тебе лучше принять её, а не бороться с ней, и тогда она хотя бы перестанет разрывать тебя на части.

— Почему... только... ты... и только... я? — говорить ей было трудно. Служанки принесли таз с водой и полотенца, принялись хлопотать вокруг, обтирая её лицо, лоб и шею, но Вики не замечала их присутствия. Мальбонте смотрел на неё долго, решая, стоит ли ей говорить.

«Нет. Ещё рано», — решил он и пожал плечами. Когда служанки закончили, он приказал им заново разжечь камин и дождался, пока все уйдут, прежде чем снова заговорить:

— Я уже не так силен, как раньше... из-за тебя. В тебе кроется большая сила, но она моя. Моя, понимаешь? — Мальбонте стиснул зубы, произнеся это ревностно и раздраженно, хоть и не хотел пугать девушку ещё больше. Находясь в темнице, он не мог предположить, что его энергия разделится надвое и останется в ком-то ином. Это было подстроено Шепфой или же нелепой случайностью — что теперь гадать. Он злился, но одна злость не поможет выиграть войну. Нужно было действовать и действовать решительно.

— Я очень быстро понял, что ты видишь мои воспоминания так же, как и я твои. Знаешь, почему?

Вики вновь замотала головой, и тогда он чуть наклонился к её лицу, от чего девушка вжалась спиной в жесткое кованое изголовье кровати.

— Потому что помню тебя. Ты была там... — поведал он, внимательно вглядываясь ей в глаза, стараясь прочесть любой калейдоскоп эмоций, что прячутся под завесой неприязни и опасений. — Там, у самого края, вместе со мной. Ты коснулась меня, и я увидел тебя.

Его голос невольно перешёл в шепот.

— Я помню тебя. Мне было страшно, а твоё прикосновение успокоило меня. Я был в отчаянии, а ты подарила мне утешение.

Мальбонте опустил взгляд с её лица на сжатую в кулак руку с исцарапанными бледными пальцами. Он ощутил острое порывистое желание коснуться её ладони, но сдержался.

В глазах Вики на миг показалось прежнее сочувствие, но она промолчала, прикусив губу.

Он отстранился, выпрямился, сжал пальцами край её постели, и лицо его вновь обрело холодные оттенки. Мальбонте был серьёзен, смотрел на девушку исподлобья, не моргая. Он размышлял, что сказать, чтобы она перестала так сильно его бояться. Чтобы хотя бы попыталась понять его мотивы и поступки. Он хотел этого. В самом деле хотел... Но пропасть между ними была почти осязаемой и отдавала холодом и зловонием крови на его руках. И смерти. Её смерти и нескольких её близких.

— Я буду ласков и добр с тобой, Вики. — сказал Мальбонте, читая в её настороженных глазах мимолетное изумление, сменившееся недоверием. — Хочу, чтобы ты поняла, что я тебе не враг, и мы можем быть заодно. Со своими врагами я беспощаден, и все они вскоре падут от моей руки. Клятва Крови связала нас, потому никто не посмеет причинить тебе вреда, если только ты сама не станешь делать глупости.

Он честно предостерег её, и Вики сглотнула, без труда улавливая его посыл. Она не понимает своего истинного влияния и положения. Слишком напугана и раздавлена обрушившейся на неё судьбой. Мальбонте не мог изменить ничего да и не жалел о своём решении.

— Я... тебе не верю, — тихо прошептала Вики, неуклонно смотря на его напряженный профиль. Она так и боялась пошевелиться, пока он находился так близко, и, казалось, боялась даже вздохнуть полной грудью.

— И не должна, — согласился Мальбонте. — Обо мне было много слухов, но я развею их. — Он вновь взглянул ей в глаза. — Ты готова выслушать меня?

Вики молчала. Напряженно и упрямо глядя куда-то в пол, как и тогда на балконе, когда Мальбонте спросил, похож ли он на чудовище. Она выстроила вокруг себя прочную стену, что была тверже и выше древних каменных укреплений Силентиума, хотя с ними не мог сравниться ни один другой замок или город.

Мальбонте поджал губы, тоже опустив взгляд.

— Связь Крови уже не разорвать, Виктория. Нравится тебе это или нет, но связать нас воедино распорядилась сама судьба задолго до того, как твоя мать отдала тебя мне. И разумнее было бы с твоей стороны хотя бы попытаться узнать того, с кем тебе придётся идти рука об руку... Тогда путь будет приятнее, каким бы трудным и долгим он ни был.

«Она никогда меня не простит», — понял Мальбонте. — *«А «никогда» для бессмертных — это слишком долго».* Но он был готов принять это. И нести груз последствий своих решений, каким бы тяжёлым тот ни был. Если ненависть к нему этой женщины станет платой за его победу в войне — он заплатит эту цену.

— Готова... — неуверенно ответила Вики после долгой паузы, и Мальбонте ощутил поднимающееся в груди облегчение. Глаза его сверкнули.

— Моя мать была ангелом. Отец — демоном, — начал он, переведя взгляд на полыхающие в очаге сухие поленья. — Тогда только закончилась страшная война между Адом и Раем, и мир начал пожинать её последствия. Вслед за ненавистью пришла любовь. Я был одним из первых таких детей. В то время многие дети умирали из-за нестабильности мира, а полукровки — чаще всего. Но я выжил и был сильнее многих. Меня начали бояться. Я кое-что сделал...

Мальбонте резко замолчал, сведя брови к переносице и прикрыв глаза. Вики, наверняка, заметила, что его одолевают противоречивые эмоции, которые были настолько сильны, что ему с трудом удалось их скрыть. Но он вернул самообладание, бесстрастно продолжив, будто рассказывал историю жизни незнакомого человека.

— Я кое-что сделал, и на меня началась охота.

— Что ты сделал? — спросила Вики, немного расслабившись. Она опустила плечи, потерла саднившие запястья, стала дышать медленнее и глубже.

— Нет... — ответил Мальбонте, поджав губы и не сводя глаз с камина. — Ты не готова к такому, — добавил он, сразу отсекая попытки выпросить.

— В итоге они решили, что я опасен, и что нужно исследовать мои силы. Я словно стал чумным... печаль и боль следовали за мной по пятам.

Он говорил, ничего не утаивая, всё больше окунаясь в омут мучительных воспоминаний. Объяснял видения, которые несколько минут назад лишили Вики сна. Ответил, когда она спросила, почему мама звала его Бонтом.

— Меня назвали так от рождения, мама видела во мне только хорошее. Но из-за моей темной стороны все стали добавлять к моему имени Маль. Даже отец начал звать меня так.

Ему был приятен её интерес. Он согревал изнутри или это всего лишь жар огня в камине?

Он продолжил рассказ, и чем дальше тянулось время, тем беспокойнее становилось лицо Вики.

Мальбонте лежал на земле, раскинув руки и ноги, разглядывал небо. Облака лениво плыли вперёд. У его головы замерли чьи-то маленькие ножки. Девочка нависла над ним с недоумённым взором больших миндалевидных глаз. Мальчик вскочил.

— Что ты здесь делаешь?

— А что здесь делаешь ты? — задала она встречный вопрос, и белые крылья затрепетали от любопытства.

Мальбонте прикусил щеку. Родители наказали ему сидеть в саду-лабиринте, пока они ищут артефакт, способный спрятать его энергию, но не сказали, что делать, если за ним придут. Но девочка не походила на воина.

— Так надо, — коротко бросил мальчик, надеясь, что она отстанет и уйдёт. Но та только улыбнулась.

— Значит, и мне так надо.

— Ты глупая! — покачал он головой.

— А ты злой.

Мальбонте дёрнулся, попятился от неё. На его глаза навернулись слёзы.

— Это не так!

Увидев, что задела его, девочка скорчила жалостливую и искреннюю гримасу.

— Прости, я не хотела тебя обидеть! — она протянула ему мизинчик. — Эрагон говорит, так делают на земле, когда хотят мириться.

Мальбонте озадаченно посмотрел на оттопыренный пальчик девочки.

— Ладно, — он скрепил их мир забавной земной традицией.

— Как славно! — засмеялась она.

Из-за угла выскочила женщина. Платье эхом повторило её движение и замерло.

— Кто это, Бонт? — спросила мама настороженно.

— Я не знаю, — пожал плечами Мальбонте. Он говорил правду. Глаза матери расширились, когда она узнала девочку. Женщина прильнула к ребёнку, чуть грубо схватила её за руку и сказала:

— Ты сестра Эрагона!

— А вы мама Маль-бон-те-е!

Девочка воспринимала это как игру.

— Да, она моя мама, и что? — вмешался Мальбонте, на что мама ахнула.

— Молчи, Бонт! Что же ты наделал!

Девочка дёрнула рукой, пытаясь освободиться.

— Брат будет ругаться. Он знает какой сильный?

Мама упала на колени, тряхнула девочку, с мольбой заглядывая ей в глаза.

— Прошу, ты можешь держать в тайне, что видела здесь Бонта?

— Меня зовут МАЛЬбонте! — возмущенно выкрикнул мальчик, но его никто не слушал.

Мама снова требовательно посмотрела на девочку.

— Ты сохранишь это в тайне?

Раздался мужской голос, заставивший мать обернуться с облегчением и ужасом одновременно. Отец вышел из тени деревьев, он всё слышал.

— Она не сохранит тайну.

— Ты хочешь сказать... — срывающимся голосом прохрипела мама и, вскрикнув, закрыла лицо руками. Истошно зарыдала, и крылья за её спиной вздрагивали и сжимались. впервые Мальбонте заметил слёзы на глазах отца.

— Что такое? — не понял он. А дальше всё случилось слишком быстро.

Отец выпустил в неё шар энергии. Девочка успела лишь едва пискнуть и замертво упала к его ногам. Это было первым убийством ребенка. И кровь этой девочки, впитавшаяся в землю, стала травой для лабиринта.

"Отныне всяк сюда входящий становится заложником своих страхов и желаний".

Проклятье было таким сильным, что все ощутили его зарождение. Шепфа мгновенно прознал, где находились беглецы, и о том, что произошло. И исполнил своё высшее наказание.

Лица мамы и папы вдруг стали странными: сосредоточенными, но при этом отдалёнными. И вдруг мама закричала. Они упали на колени.

— Что с вами?! — ужаснулся Мальбонте, который ещё не отошёл от шока. Он увидел, как из спин родителей, точно корни деревьев, выходят основания крыльев. Кровь ручьём лилась по их спинам. Сам Шепфа решил приговорить их без суда и разъяснений. Бог ведь не спрашивает ни у кого разрешения!

Земля под их ногами разверзлась, словно тропа, ведущая грешника в Ад. Они упали.

Мальбонте бросился следом, но дыра стала закрываться. Он кричал, плакал, тянулся рукой, пытался дотянуться до них, Но не смог...

Мальбонте понял, что Вики видела сцену в лабиринте, но не знала, чем та закончилась. Правда поразила её, а последствия заставили съежиться и обхватить руками свои плечи.

— Я остался один. Напуганный, потерянный. Озлобленный. Я бежал, куда мог, пока меня не окружили. Они боялись. Они хотели убить меня, уничтожить, и Шепфа бы позволил им это. Дал на то своё молчаливое согласие.

Мальбонте порывисто вскочил на ноги, подойдя к камину и замер около него. Жар пламени опалил его лицо, грудь и руки, но и успокаивал, не позволял ненависти прошлых обид вскипеть с новой силой.

— То видение, когда ты убил их всех... — раздался за его спиной осторожный голос Вики, и Мальбонте сухо кивнул, стиснув зубы. Но потом вздохнул.

— Да. Это было после того, как Шепфа вырвал моим родителям крылья и отправил их на землю. Я обезумел от горя и ярости. Остался один на один против враждебного ко мне мира. Во мне крылась страшная сила, которую было невозможно контролировать.

— И тогда Шепфа разделил тебя на две части, — подытожила Вики.

— Да... — подтвердил он.

Ещё никогда и никому он не изливал душу, не исповедовался, не делился своими чувствами, которые, вопреки ожиданиям остальных, у него всё же были. И есть. Возможно, душа не совсем покрылась коркой вечной мерзлоты. Возможно, тьма и ненависть не полностью завладели им. Но спасти его и свернуть с пути уже не сможет никто. И жалеть себя он не собирался.

Мальбонте смотрел в очаг. Пламя освещало профиль его лица — жесткого непримиримого лица, на котором он ощущал взгляд голубых глаз лежащей в постели женщины. Той, что завтра станет принадлежать ему по всем древним законам мироздания.

Он бы многое отдал, чтобы узнать, о чём она сейчас думает. Жалее ли его? Понимает? Или всё так же ненавидит? В любом случае, Мальбонте был готов ко всему.

Не оборачиваясь к ней, он подал голос:

— Уже поздно. Тебе лучше хорошо выспаться перед завтрашним днём.

— А что... будет завтра? — спросила Вики, и голос её задрожал, как и всё тело, охваченное лихорадкой. Она свернулась комочком, закутавшись в одеяло с головой, но продолжала смотреть на него, когда Мальбонте повернулся к ней с непроницаемым лицом и серьёзно сказал:

— Завтра состоится наша свадьба. Все приготовления закончены.

Услышав это, Вики поджала дрожащие губы, хныкнула и уткнулась лицом в подушку.

Мальбонте опустил голову. Именно это он и шёл сказать ей изначально. Может, ещё и попытаться что-то объяснить, как-то утешить. Но он решил, что на этот вечер с неё хватит рвущих душу откровений.

Вики, наверняка, желает побыть одна, и он не смел больше смущать её своим присутствием.

— Спокойной ночи, — учтиво пожелал он напоследок и покинул её теплые, пахнувшие цветами покои.

Глава 5 Кровавая свадьба

Порез на руке болел и чесался с самого утра. Я старалась не тереть его, сидя у огромного зеркала со стеклянным взглядом куклы, пустой и безжизненной, пока служанки готовили меня к свадьбе.

Перед этим они начисто отмыли меня в ванной и натёрли кожу ароматным лосьоном. Потом Мелоди окунула два пальца в розовое масло и надушила меня за ушами, коснулась шеи, яремной ямочки, сосков... и последнее холодное касание пришлось на половые губы.

— Это для короля, — шепнула она, подмигнув. — Ему понравится.

Я вздрогнула, но не возражала, пусть делают, что хотят. Мне уже ничего не поможет. Измученная ночными кошмарами, напуганная визитом Мальбонте... он успокоил мои сны, но окунул в бездну реальных ужасов, указав на то, что мне нужно выспаться последней ночью, которую суждено провести в одиночестве.

Ведь следующую... я проведу уже с ним. И от этого ком отвращения вставал поперёк горла.

Он поведал мне свою историю, и судьба его в самом деле была нелёгкой. Было заметно, что эта исповедь рвала его душу на части, и рвёт по сей день. Я чувствовала его боль... пропускала её через себя, впитывала, как губка, и слёзы сами лились по щекам тонкими едва заметными струйками.

«Он был один... всегда один... Преследуемый и презираемый с самого рождения. Ангелы хотели запереть его под замок и пытать, словно подопытного кролика, невероятные силы которого собирались исследовать. И в страхе потерять единственного сына родители отняли жизнь невинной девочки, случайно заглянувшей в лабиринт, а Шенфа отнял их у Мальбонте...»

Сердце сжималось, вспоминая того покинутого ребенка на продуваемом ледяными ветрами обрыве. Он был заложником собственных сил, не умел их контролировать, сам боялся...

Мне было его жаль. Да, было. Но **Ему** меня не было. Меня он не пощадил и не пощадит впредь. И потому недостойн моего сострадания.

Мими и Ости сидели рядом на постели, наблюдая как служанки облачают меня в чёрное бархатное платье с выразительным лифом, расшитое бордовым шёлком и сверкающими рубинами, что, словно капли крови, рассыпались по струящемуся подолу, будто по полю битвы. Платье застегивалось на груди рубиновыми застёжками, а не связывалось на спине корсетом.

— Это для того, чтобы жениху было удобно его снимать, — проворковала рыжая дьяволица, и меня передёрнуло. К горлу подступила тошнота. Мими сочувственно опустила ладонь на мою руку. Ости хмуро усмехнулась.

— Что... подразумевает собой этот обряд? — спросила я неподвижными губами. — Чего мне ждать?

Мими лишь покачала головой.

— Мне не случалось бывать на таких свадьбах. Но старые традиции подразумевали, что жених и невеста скрепляются кровью, затем пьют жертвенную кровь из кубка... Затем... — её язык заплетался, словно она не хотела пугать меня.

— Мими! — мой голос неожиданно окреп и пропитался настойчивостью. Я потребовала: — Расскажи мне! Лучше я буду готова, чем узнаю обо всём по факту!

Мими сильнее сжала мою руку, но за неё ответила Ости с явным торжеством и одновременно странной тоской в голосе.

— Потом гости раздевают невесту, чтобы мир простился с её красотой. Ведь впредь её красота будет принадлежать лишь мужу и никому другому. А после её уносят на брачное ложе, где муж и жена должны будут скрепить свою связь слюной, потом и соками чресел. То бишь всеми жидкостями.

— Вам будет завидовать всякая женщина на пиру, моя королева, — ахнула Мелади с мечтательной улыбкой, на что Ости презрительно фыркнула.

Я зажмурилась, изо всех сил давя в себе необузданное желание закричать от ужаса и обреченности, подорваться и бежать так далеко, как только смогу. Но внешне мне удалось сохранить лицо и достоинство.

«Идиотка! Надо было бежать ещё в школе, не позволять матери обречь меня на такое! Пусть бы Ребекка осталась без защиты, пусть бы Мальбонте в ярости убил всех учителей и учеников и разнёс школу до основания, пусть на меня бы началась охота...»

Я осеклась и стиснула зубы в сдавленном отчаянном крике. Зеркало и окна задребезжали. Служанки в испуге отступили.

«Нет! Я не могу поставить свою жизнь выше всех этих невинных ангелов и демонов. Это было бы... слишком».

Мать принесла меня в жертву своей безопасности и власти, но как бы поступила она сама, если бы с ней обошлись подобным образом?

«Люцифер... Как же хорошо, что тебя нет здесь! Что ты не увидишь моего унижения и позора! Что ты не умрешь в попытке избавить меня от мук».

Умер бы он за меня...? Попытался бы помешать обряду или стоял бы в стороне, не став нарушать этих варварских традиций? Чувствовал ли он что-то ко мне? Он так часто отталкивал меня... так часто пренебрегал... лучше бы он открылся, тогда я знала бы, что нужна ему. Тогда эта мысль грела бы меня, поддерживала во мне жизнь, не давая умереть от безысходности.

Я не знала... мы даже не поговорили, даже не попрощались толком. Но помнила нашу последнюю ночь и его поцелуи. Я буду помнить о них и в руках Мальбонте. Буду изо всех сил представлять на его месте своего Люцифера! Быть может, мне это удастся.

— Завидовать тут нечему, Непризнанная, не обольщайся. В постели он не менее яростен и жесток, чем на поле битвы. Демонам это нравится... но вы же, слабые людишки, можете не пережить такого напора, — губы Ости изогнулись в ядовитой ухмылке. — Он — монстр, не знающий жалости. И он будет трахать тебя каждую ночь, да так, что ты станешь молить о пощаде. Только представь!

Яд сочился с её малиновых губ. Мими с укором взглянула на неё и усмехнулась:

— А ты, я смотрю, быстро забыла о Люци, когда тот потерял отца и влияние, — Ости зыркнула на неё, как на пустое место, но тут же опустила глаза.

— Он обо мне, небось, тоже не особо вспоминает, — парировала она холодным надменным тоном. — Люци легко променял меня на новую игрушку. А теперь, когда отобрали и её, найдёт себе ещё. Долго горевать не станет. Я хорошо его знаю.

Эти слова больно резанули по сердцу и самолюбию, но я смолчала. Она была права насчёт игрушек. Для Мальбонте я просто сосуд и вещь. А для Люцифера... несмотря на мои наивные надежды... Неужели Ости права и в этом?

Я только сейчас заметила огромные кровоподтеки на шее дьяволицы, которые та усиленно прятала под кожаным чокером. Совсем недавние, иначе бы уже затянулись. Выходит, прошлую ночь она провела с Мальбонте.

Омерзение прокатилось ледяной волной по моим венам, но вопреки всему я даже улыбнулась.

«Как, должно быть, ей невыносимо видеть меня его невестой. Она прямо источает ревность и зависть, даже не стремясь это скрывать. А я охотно бы поменялась с ней местами, раз ей так нравится трахаться с ним. Раз ей так хочется быть его королевой!»

Вещь... но вещам не изливают душу, не стремятся что-то объяснить... не заботятся о них...

Я не могла понять, зачем Мальбонте было приходиться ко мне ночью. Наверное, то были отголоски пересилившего Бонта в нём, но Бонт никогда бы не лишил меня выбора и не поступил со мной так, как поступает. Бонта больше нет, несмотря на все его заверения в нашу первую встречу.

Служанки закололи мои волосы в высокую изящную причёску, оголяя шею и затылок. Вставили в уши рубиновые серьги, затем обе отошли, любуясь созданным образом.

Свадьба должна была состояться в главном чертоге замка. Перед входом, за огромными воротами слышался гул голосов гостей, я остолбенела, не в силах сдвинуться с места и сделать ещё один шаг.

Войдя в эти двери, я самолично подпишу себе смертный приговор, даже не попытавшись воспротивиться.

«Нет!» — решительно-отчаянная мысль заставила отступить назад. Ещё пара неистовых ударов сердца, и я сорвусь на бег.

— Я не хочу, — вслух твёрдо произнесла я, глядя на врата безумными глазами. Позади меня послышался гадкий смешок Ости.

— Ты можешь попытаться сбежать, Непризнанная. И тогда мне придётся тащить тебя туда силой. Ничего не изменится, но публика будет в восторге.

— Думаешь, я тебе это позволю, мерзкая ты предательница? — вступилась за меня Мими, но Ости на это лишь хмыкнула, выгнув бровь.

— Не умничай, малышка Мими. Свою подружку ты не защитишь и знаешь это лучше меня. А ещё тут нет папочки, который бы заступился и не дал страже уложить тебя на алтарь. Ведь все мы знаем, что свои способности ты до сих пор не раскрыла.

Мими кинулась, было, на неё, но архидемон Саферий, молчаливо сопровождающий нас, тут же преградил подруге путь.

— Не смей! — рявкнул он, но в его жестах по отношению к Мими чувствовалась какая-то неловкость.

Мими с яростью отпихнула его, прошипев:

— Тронешь меня или Вики хоть пальцем и лишишься обеих рук. А ещё члена! Уж это будет моим личным капризом! — она вызывающе облизала губы, прожигая взглядом его лицо, и Саферий, вопреки моим ожиданиям, стушевался и смутился, глядя на неё со скрытым благоговением.

«Он влюблён в неё, — поняла я, цепляясь за эту мысль, как за спасительную надежду. — Это можно будет использовать в будущем, уверена, что подруга мне поможет».

— Ну так что? — Ости скрестила на груди руки, ухмыляясь. — Идёшь сама навстречу своей судьбе или тебя тащить туда волоком?

Я твёрдо решила, что не доставлю этим демонам ни грамма удовольствия своим позором, потому попыталась отбросить охватившую меня панику, угомонить из последних сил начинающуюся истерику и гордо выпрямиться. Мои губы изогнулись в холодной жестокой улыбке, когда я взглянула в бледное лицо дьяволицы:

— В твоих интересах помешать мне стать королевой, Ости, быть на моей стороне... защищать меня... ведь иначе, стоит мне обрести реальную, а не мнимую власть, и тебе придётся несладко.

Лицо Ости перекошило от злости и обиды. Руки с острыми ногтями сжались в кулаки. Зелёные глаза полыхнули ненавистью.

— Ты... убогий сосуд, не более того... Он никогда...

Но я уже отвернулась от неё, уверенно зашагав к дверям чертога, что бы там меня ни ждало. Я была готова выдержать всё.

Меня встретил огромный величественный зал с каменными потолками и полами из матового черного мрамора. Высокий помост, горящие с двух сторон очаги и свечи на столах, расставленных вдоль стен так, чтобы пространство посередине оставалось свободным, за исключением огромной выдолбленной в камне пустой чаши, напоминающей неработающий фонтан, к которому вёл покатый в этом месте пол. А рядом — жертвенный алтарь, при виде которого меня замутило. Только проходя мимо чаши и алтаря, я заметила, что пол вокруг испещрен разнообразными рунами и символами, значения которых я не понимала. Музыканты заняли нишу в углу. Гости уже собрались за столами, заваленными самыми разными явствами.

Слабый шорох вдоль стен, мягкий бархатный стук

Ваша поступь легка — шаг с мыска на каблук,

И подернуты страстью зрачки, словно пленкой мазутной.

Любопытство и робость, истома и страх

Сладко кружится пропасть и стон на губах —

Так замрите пред мертвой витриной, где выставлен труп мой.

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Когда я вошла в сопровождении Мими и Ости, все взгляды устремились ко мне. Мальбонте ждал на самом высоком месте рядом с двумя великолепными тронами, один из которых предназначался для меня. Я поняла сразу, что никакой привычной людям церемонии венчания не будет... приблизилась к помосту в гробовой тишине под алчные взгляды сильных мира сего и старалась держать подбородок гордо поднятым, а спину — прямой, хоть мои колени вот-вот норовили подогнуться. Фенцио стоял тут же, как верный пёс, сжимая в руке свой посох. Улыбка на его лице просто светилась мрачным торжеством.

«Не можешь отомстить любимой женищине, хоть вдоволь полюбишься на страдания её дочери, урод?» — пронеслось в моих мыслях, но я даже не удостоила ангела взглядом.

Мальбонте выглядел скромно, но величественно. Без лишнего пафоса и броских одеяний. Он был всё таким же угрожающе холодным, будто не было вовсе той исповеди и ночи откровений, рвущих его душу по сей день.

С пугающе серьёзным лицом он протянул мне руку, помогая подняться на помост. Я почувствовала волну неприятного покалывания по всему телу, стоило его ладони коснуться моей. Мими и Ости отстали, растворившись в толпе. Все смотрели на нас, все ждали... чего?

Мальбонте встал позади меня, опустил ладони на мои плечи, чуть сжав их. Мои крылья задрожали, вопреки усилиям сохранять лицо.

«Что он станет делать? Разорвет на мне платье?» — я чуть инстинктивно не прикрыла груди руками, но удержала себя, опустив глаза.

— Да начнётся пир! — громогласно объявил Мальбонте, и тысячи серебряных и золотых кубков со звоном и рёвом поднялись над столами, расплескивая глифты и кровавое вино... или то и была кровь?

Мы сели за стол, наблюдая за сотней веселящихся демонов, совсем не похожих на людей, но все они поднимали кубки в нашу честь, крича тосты на древнем диалекте *diablo*, на котором впервые заговорил со мной Мамон. Я его не понимала. Мальбонте не отпускал мою руку, и я ощущала, что порез начинает болеть всё сильнее, будто вот-вот вновь начнёт кровоточить.

Они пили за нас, подносили к помосту дары. Но я даже не смотрела на все эти предметы роскоши и древние артефакты, не сводя глаз с тех, кто их вручал. Их вид внушал ужас, а слова Ости сами всплывали в памяти, от чего по спине бежали струйки холодного пота. Мальбонте что-то отвечал им, гордо и покровительно. Он был их королём, их повелителем, способным укротить любого из этих чудовищ одним взглядом. Те, о ком написаны целые тома окультных рукописей, кланялись ему, раболепно улыбаясь и отходили в сторону. Я сидела, понимая, что не могу пошевелиться от страха.

Рука, которую Мальбонте сжимал в своей, онемела. Я то и дело бросала взгляды на его серьезный непримиримый профиль, ища ни то поддержку, ни то подпитку своим кошмарам.

«Он знает, что ждет меня? Он хочет этого?» — мысли всё больше затягивали узел отчаянья. Пир длился довольно долго. Гости покончили с едой и выпивкой, и по залу разнеслось дурманящее марево, а сотни темных аур перемешались в одну единую.

И оркестр из шести богомоллов ударит в литавры,

Я сожму Вашу талию в тонких костлявых руках.

Первый танец — кадрили, на широких лопатках кентавра,

*Сорок бешеных на по-над бездной, чье детище — мрак.**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Бам.

Загремел барабан, и музыканты завели зловещую, но в то же время прекрасную возвышенную мелодию. Скрипки, волынки и литавры, шорохи кожистых крыл ангелов ночи... Всё завертелось, как в тумане, и вот зал наполнился танцорами, разбившимися на пары.

Я снова взглянула на Мальбонте, боясь или надеясь, что и нам придется спуститься ради танца, но он был неподвижен, словно каменная статуя, а его ладонь — сухой и холодной. Чёрные глаза равнодушно, но напряженно обзревали происходящее, а скулы заострились. Он был максимально собран и сосредоточен и чего-то ждал... Холодная жуть поползла по моей коже.

За ключицу держитесь — безудержный пляс,

Не глядите в замочные скважины глаз,

Там, под крышкою черепа, — пыль и сушеные мухи.

Я рукой в три кольца обовью Ваш каркас,

А затем куртуазно отщелкаю вальс

*Кастаньетами желтых зубов возле Вашего нежного уха.**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Вскоре танцы стали куда раскрепощённые, демоны и дьяволицы льнули друг к другу под непрекращающийся ливень мелодий, они сливались в страстных поцелуях, тут же меняясь партнерами и повторяя то же самое с ними. Руки беспорядочно шарили по телам в неистово разгорающейся пляске, пропитывающейся похотью и страстью с каждым новым кругом. Я нервно поерзала на стуле, и Мальбонте крепче сжал мою руку, когда среди танцоров ни на ком не осталось одежды. Сложно было различить, кто есть кто, настолько быстро они двигались, уже откровенно лаская друг друга без разбора, словно опьяненные, отравленные этим маревом чистейшего разврата. Дьяволицы хохотали, словно стая гиен, демоны нечеловечески рычали, но вскоре пространство заполнили страстные стоны. Десятки тел перед нами слились между собой. Я отвела взгляд и заметила, что Фенцио куда-то исчез. Ни Мими, ни Ости, ни высших чинов Ада не было на танцполе. Он был целиком заполнен низшими демонами, без остановки танцующими этот жуткий танец истинного греха.

Нет дороги назад — перекрыта и взорвана трасса,

И не рвитесь из рук — время криво, и вряд ли право

Серный дым за клубился — скользим по кускам обгорелого мяса

*Вдоль багряных чертогов Властителя Века Сего.**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Неужели, это ждёт и меня? Зрелище было ужасно, но притягательно одновременно. Голова кружилась... может, и на меня действовал этот странный афродизиакальный дурман?

Только этого не хватало... дышать становилось всё труднее. Стоны наслаждения и крики отдавались в ушах единой какофонией. Я попыталась высвободить свою ладонь из пальцев Мальбонте, но он не позволил, резко повернув ко мне голову. Его глаза были полны пьянящей дымки желания, и этот полубезумный взгляд напугал меня. Но он моргнул, затем снова, и дымка рассеялась, вернув его лицу ледяную невозмутимость. Я немного успокоилась, но тут до моих ушей сквозь стоны и шлепки слившихся тел донесся чей-то предсмертный крик.

Что Вы вздрогнули детка — не Армагеддон.

Это яростный рев похотливых валторн

В честь одной безвозвратно погибшей, хоть юной, особы.

И не вздумайте дернуть крест-накрест рукой:

Вам же нравится пропасть — так рвитесь за мной,

*Будет бал в любострастии ложа из приторной сдобы.**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Ничего не понимая, я в ужасе взглянула на танцпол, поняв, что там началась резня. Мужчины не могли поделить женщин, имели их так отчаянно, что те падали на пол, разбивая колени, а кто и головы. В ход пошли клинки, вспарывающие животы соперников.

Голод.

Голод, секс и смерть. Кто-то кусал тела партнерш так сильно, что вырывал кожу вместе с мясом, заливая мраморный пол кровью, что стекала по покатам прямо в чашу фонтана, про-рисовывая собой силуэты рун. Меня затошнило, и я прикрыла рот второй ладонью, силясь не выbleвать свой скудный завтрак. К еде на нашем столе не притронулась ни я, ни Мальбонте, хотя его кубок почти опустел. Он пил довольно много и продолжал смотреть в зал, без улыбки, без удовольствия, словно заставляя себя обозревать эту кровавую оргию. Это дьявольское бес-чинство. Кровь лилась уже реками, и несколько десятков обнаженных окровавленных тел уже неподвижно лежало на полу, а оставшиеся продолжали предаваться страсти прямо на них.

Плошки с беличьим жиром во мраке призывно мерцают —

Канделябры свихнувшейся, пряной, развратной любви.

Шаг с карниза, рывок на асфальт, где червём отмокает

Прах решенья бороться с вакхическим пульсом в крови.
(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.*

«О, Шепфа, пусть это закончится!» — молилась я, всеми силами пытаюсь отвернуться, зажмуриться, не видеть. И не слышать. Воздух наполнил металлический отвратный запах крови и похоти, и когда последнее безжизненное тело пало на все остальные, фонтан, напол-ненный кровью до краёв, вдруг заработал, разбрызгивая вязкий бордовый нектар. Музыка смолкла, со всех концов зала раздались аплодисменты высших чинов. Громче всех аплоди-ровал Асмодей, улюлюкая и выкрикивая что-то поощрительное. Супруги Астарот и Астарта наслаждались друг другом в отдалении, не обращая внимания на остальных. Фенцио сидел в сторонке красный, как вареный рак, с шокированным лицом. Редкие присутствующие здесь ангелы прятали лица, закрывшись белыми крыльями, как коконом.

Sanctus Deus, Sanctus fortis, Sanctus immortalis, miserere nobis,

Miserere nobis.

Sanctus Deus, Sanctus fortis, Sanctus immortalis, miserere,

Miserere nobis.

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Я же ощущала, что моя кожа стала настолько бледной, что приобрела мертвенный серо-ватый оттенок. Фонтан всё бурлил, и вот откуда-то из тени к нему вышла сторбленная фигура в черной рясе с огромными когтистыми лапами, торчащими из-под мантии, в которых суще-ство держало кубок... тот самый Кубок Крови, что был использован для ритуала возвращения

Мальбонте. Оно поднесло его к фонтану, наполнив бьющей кровью жертвенников. А затем по ступеням приблизилось к нам и опустилось на колени, подняв чашу вверх.

— Жертва крови, принесенная добровольно во имя нового союза! — проскрежетало оно из-под нависшего на голову капюшона. Дыхание чудища смердело гнилью и могильным холодом.

Я дрожала всем телом, ощущая, как наши с Мальбонте ладони вновь начали кровоточить, кожу стало нестерпимо жечь, но я терпела, хоть и морщилась, наблюдая, как алая жидкость течёт по нашим сцепленным пальцам. Мальбонте поднял наши руки над протянутым кубком, позволяя каплям падать в него. И уже налитая там кровь начала дымиться, будто кипящее вино. Боль резко прекратилась, когда кубок наполнился до самых краёв. Тогда существо поднялось с колен, протянув полную чашу сперва королю.

Я с ужасом и отвращением наблюдала, как Мальбонте сделал глоток, припав губами к золотому ободу кубка, затем порывисто отстранился, смочив салфеткой запачканные губы, и взглянул на меня. Seriously, непроницаемо. Без ухмылки или издевки. Напротив, мне показалось на миг, что в его глазах мелькнуло сочувствие.

Жрец поднес кубок ко мне, и я замерла, осознавая, что весь зал, все эти чудища ждут, что я выпью. Но меня мутило от одной мысли. Мальбонте слегка погладил мои пальцы своим, словно пытаюсь успокоить этим незатейливым жестом. Я зажмурилась, мысленно прокляла всех и коснулась губами холодных краёв сосуда, роняя слёзы омерзения.

Горячая липкая и соленая на вкус кровь коснулась моего рта, очертила контур губ, и я тут же отшатнулась, плотно сжав зубы, чтобы сдержать рвотный позыв и ощущая, как пролитые мимо струйки текут по моему подбородку.

— *Viri sanguinum, hostiam!* — одобрительно возгласило существо, и зал разразился оглушительными овациями.

Мальбонте встал, увлекая меня за собой. Но я всё еще не могла прийти в себя и открыть глаз. Его руки мягко развернули меня к нему лицом. Он медленно стер салфеткой испачкавшую меня кровь, отчего я распахнула глаза в немом удивлении, взглянув на него.

Его глаза выражали какую-то неведомую горечь, даже печаль. Мальбонте наклонился ко мне, и его горячие обветренные губы властно коснулись моих, собирая с них отвратительный привкус металла. Я застыла, не зная, как себя вести. Целовать его мне не хотелось, но и оттолкнуть под взглядами всех гостей я тоже не смела.

Мальбонте быстро отстранился, выпрямился всё с таким же равнодушным лицом и сел обратно на стул. Он отпустил мою руку, и я, наконец-то, смогла вдохнуть полной грудью, решив, что на миг можно расслабиться, если это вообще возможно.

Дальше всё шло относительно спокойно. Гости веселились, ели и пили. Музыканты играли быстрые волнующие мелодии. Кто-то изучал тела друг друга прямо за столом, кто-то уединялся. Мальбонте продолжал пить, и я с ужасом наблюдала, как его кубки пустеют, не успевая наполняться. Наверное, и мне следовало поступить так. Еда попросту не лезла в глотку, и я тоже налила себе вина, которое опаляло горло не хуже глифта. Один кубок, второй... я ощутила приятную негу хмеля, ударившего в голову. К Мальбонте подходили демоны, они о

чем-то говорили с ним, обсуждали что-то, по тону не касающееся происходящего. Я оглядывала гостей. Ости сидела в одиночестве, бросая на короля взгляды, полные восхищения и злости. Мими ворковала с Саферием. Демоны высшего ранга затеяли винопитный поединок.

«Почему ко мне никто не подходит...?» — спросила я с обидой, глотнув ещё вина. На этом жутком празднике я была товаром, игрушкой. Провались всё. Я выпила ещё.

К Мальбонте подсел Асмодей — демон похоти, ненависти и мести. От одного вида его обнаженного торса с сильными перекачывающимися под красной кожей мышцами и горящих глаз, то и дело бросающих на меня алчные похотливые взгляды, мне сделалось жутко, и я съезжилась, опустив голову. Он был одним из сильнейших князей Ада. И это с ним повздорил отец Мими.

— О такой красоте можно только мечтать, мой повелитель! — произнес он, нарочито облизнув губы красным языком. Мальбонте чуть заметно кивнул, снова взяв меня за руку. Я ощутила, как напряжены его пальцы, словно он пытался оградить меня от общества этого демона. Они говорили на древнем языке. Огонь в очагах и канделябрах перестал плясать свой зловещий танец, музыканты вдруг умолкли, и все гости подняли головы к небу. Потолок чертога представлял собой огромный купол с круглым отверстием посередине, словно римский пантеон. И пламя вдруг погасло, опуская чертог во мрак. Я сама сильнее сжала ладонь Мальбонте, не понимая, что происходит. Но тут взошедшая над замком луна осветила купол и алтарь прямо под ним своим бледным призрачным сиянием. Все загалдели в предвкушении. Асмодей поднялся с торжествующей улыбкой, и снова взглянул на меня так, что моя кожа покрылась мурашками ужаса.

— Пришло время нам в последний раз насладиться королевой! — провозгласил он, и остальные демоны охотно поддержали. Мальбонте помрачнел, беспристрастно глядя, как ко мне направляются трое жрецов в рясах. Я задрожала, на этот раз испугавшись по-настоящему.

— Нет, прошу... — паника взяла верх над самообладанием, я бросила умоляющий взгляд на Мальбонте, но он оставался неподвижен и холоден. Только губы были сжаты в тонкую линию, да жилка на виске неистово пульсировала.

Жрецы взяли меня за руки и молчаливо велели встать. Мальбонте в последний раз до боли стиснул мою ладонь, и не спеша отпустил. Разорвал этот спасительный для меня контакт пальцев.

Я не чувствовала ног, когда существа, чьих лиц не видел никто, буквально стащили меня в центр зала под этот льющий лунный свет. А гости обступили со всех сторон. Многие были вымазаны в крови. Кто-то купался в кровавом фонтане, облизывая собственное тело, ладони и пальцы. Я разом протрезвела, когда их руки потянулись ко мне.

— Нет... — слезы паники и стыда едва не полились из глаз, превращаясь в истерику. Жрецы развернули меня лицом к Мальбонте, и от его взора меня уже никто не загоразивал. Я попыталась прикрыть грудь руками, но чьи-то ледяные липкие пальцы тут же схватили меня за запястья и развели их в стороны, в то время, как еще чьи-то руки принялись расстегивать платье.

Треск разорванной ткани, бесстыдная мгла

В обнаженной нирване схлестнулись тела

Шорох кожистых крыл — нас баюкают ангелы ночи.

Диким хмелем обвейся и стыло смотри,

Как звезда эдельвейса раскрылась внутри,

*Как вибрирует в плеске соития мой позвоночник.**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

В ушах звенело. Их слова, их похотливые замечания, их гиеноподобный смех, их оглушительное визжание. Ткань треснула, расходясь по швам. Я тряслась, смотря только в чёрные глаза Мальбонте, который так же, как остальные пожирал взглядом моё тело. Он не поможет... никто не поможет. Холодок ветра коснулся моих коленок, затем бедер... живота, я втянула его, уже не в силах унять бешеную дрожь.

Ткань начала рваться дальше.

Леденяще и скупо ударит Луна,

Содрогнется над крупом возницы спина,

Завизжат на дорожных камнях проступившие лица.

В тусклых митрах тумана под крыльями сна

Расплетут пентаграмму Нетопырь и Желна

*И совьют на воздушех пылающий бред багряницы.**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Отпали длинные рукава платья, обнажились ноги. Я почувствовала грязные прикосновения демонов к своей коже, они ласкали меня, поднимаясь по икрам всё выше.

Я дернулась, крепко зажмурившись и закричав от омерзения сквозь плотно сжатые зубы. Чьи-то пальцы гладили мой живот, кто-то мокрыми поцелуями проходил по рукам выше локтей, покусывая кожу до боли.

«Они сожрут меня... они попросту меня сожрут!»

Унижение и чувство брезгливости, доведенное до предела, прорвали плотину моей стойкости, и из глаз хлынули ручьями слёзы. Но демоны на это лишь рассмеялись, грязно шепча что-то на древнем диалекте. Благо я не понимала его. Их касания вызывали всплески отвращения. Я пыталась вырваться, но кто-то крепко удерживал меня на месте.

«Это сон... мне снится дурной сон! Скоро это закончится!»

Кто сказал «Казанова расчетлив» — тот врет неумело,

Я люблю безоглядно вращать в прежде чуждое тело.

Полночь, руки внутри, скоро сердце под пальцами брызнет,

*Я пленен сладострастьем полета на осколке взорвавшейся жизни!**

(с) Оргия Праведников. Танец Казановы.

Спасительная ткань платья продолжала хлипко держаться на сгорбившейся спине. Рывок. Треск. Ткань расползлась на груди, и я закрыла её руками, несмотря на сопротивление чьих-то длинных пальцев, что, явно, были сильнее.

— Довольно! — вдруг повелительный громopodobный рык заставил всех тут же замереть. Демоны и дьяволицы в замешательстве переглянулись, а потом их взоры устремились на короля. Я с трудом разлепила застланные слезами веки, тоже посмотрев на него. Мальбонте стоял на столе, за которым мы с ним сидели. Его чёрные ледяные глаза источали такую ярость, что демоны, держащие меня, мгновенно убрали руки и отступили на шаг. Повисла напряжённая тишина. Смех и визги смолкли. Я прикрылась своими перьями, словно плащом.

— Кто ещё раз коснется моей женщины, того лично посажу на кол, — прорычал Мальбонте, раскрыв свои огромные бордовые крылья так, что они заняли всё пространство за его спиной. Демоны отшатнулись от меня и попятились, кланяясь. Тон короля не терпел возражений. От его Силы пространство завибрировало, накаляясь так, что сам воздух стал обжигающим. Его аура подавляла, навевала панический ужас, ломала любую волю и склоняла к подчинению сильнейших мира сего.

Один взмах могучих крыльев, от которого порывом ветра снесло со столов несколько кубков, и Мальбонте оказался около меня. Перед ним гости немедленно расступились. Никто не издал ни звука. Никто не воспротивился нарушению их варварских традиций. Один вид Мальбонте сейчас обещал мучительную смерть любому, кто посмеет возразить. От него пахло вином и властью. Взгляд горел огнем. И я, слишком напуганная, униженная и опустошенная, просто не могла сопротивляться. Покорно опустила голову, и он тут же поднял меня на руки, словно пушинку, и понёс прочь отсюда. Подальше от этих демонов и от этого кошмарного праздника.

Я уткнулась лицом в собственные ладони, чувствуя, как где-то рядом бешено колотится его сердце, как его дыхание обжигает мой висок, как его сильные большие руки прижимают меня к себе.

— Спасибо... — коротко шепнула я, не способная подавить рыдания. Он не отозвался. Всё так же нёс меня куда-то по холодным мрачным коридорам и лестницам, где шум чертога уже даже не был слышен. И я ещё сильнее сжалась при мысли, что сейчас должно произойти... да, он спас меня от них, но кто спасёт меня от него самого?

Мальбонте ногой распахнул дубовые двери своих собственных покоев, внеся меня внутрь и тут же поставив на пол. Судя по виду из раскрытого настежь окна, впускающего в спальню свежий морской воздух, его покои находились в самой высокой из башен Силентиума. Но

несмотря на простор, их обиход оставался довольно скромным. Огромная кровать, устеленная покрывалами, камин с догорающими углями, шкаф, небольшой диван и книги, стопками составленные на полу вдоль стен.

Я поёжилась от холода и внутреннего мандража, услышав, как за моей спиной закрылась дверь.

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить это, Вики, — голос, прозвучавший позади, не принёс должного успокоения. Я сделала несколько шагов вглубь комнаты, всё ещё кутаясь в собственные крылья, как в плед. Всё ещё дрожа и проклиная всех и вся.

— Это древние традиции, и они важны для моей армии.

Я промолчала, по-прежнему стоя к нему спиной. Послышались неторопливые шаги. Мальбонте приблизился, встав прямо за мной так, что я ощутила его опаляющее дыхание на своём затылке.

— Теперь это и твои покои тоже, — сказал он. — Служанки принесли сюда все твои вещи, поэтому, если тебе что-то нужно...

Я резко повернулась к нему, не пряча своей боли и бессильной ярости, с вызовом взглянув в чёрные омуты глаз.

— Не нужно долгих прелюдий... давай сразу приступим к делу!

Мальбонте нахмурился, выгнув бровь в немом удивлении, и посмотрел на меня с подозрением.

— О чём ты?

На это я расхохоталась. Громко. Горько. И слёзы вновь прыснули из глаз, очертив скулы и щеки. Я нервно смахнула их ладонью, прорывав сквозь плотно сжатые зубы:

— Завершение этого долбанного ритуала! Разве не этого тебе хочется больше всего?!

Я раскрыла крылья и тут же сложила их, прижав к спине. Моё платье превратилось в окровавленные рваные лохмотья. И само упало к ногам, стоило опустить руки, обнажая перед взором мужчины своё тело, прикрытое лишь тонким шелком трусиков.

Мальбонте казался удивленным, но его глаза в тот же миг стали ещё чернее, пропитавшись тьмой запретного желания.

— Давай! Сделай это! И покончим с этим чертовым днём! — прокричала я, трясаясь от злости и обиды.

«Люцифер...» — думала я, лихорадочно пытаюсь представить возлюбленного на месте замершего передо мной монстра. Но ничего не выходило. Страх был слишком велик.

Мальбонте шагнул ко мне, и я с трудом заставила себя не попятиться, а лишь сомкнула веки, тяжело дыша, когда мужчина провёл большим пальцем по моим приоткрытым губам, чуть оттянув нижнюю. Его дыхание обжигало мой лоб.

«Он — монстр, Вики! В постели он яростен и жесток», — звенели в голове издевательские слова Ости.

Я задрожала, когда ладонь Мальбонте медленно опустилась по шее, невесомо очертив мои чувствительные ключицы, отчего кожа невольно покрылась приятными мурашками, но я тут же закусила губу, не шевелясь, и ожидая его дальнейших действий.

Но Мальбонте вдруг убрал руку, и с губ его слетел тяжелый вздох.

— Я не трону тебя, Вики, — просто сказал он, и тут уже я изумленно распахнула глаза, уставившись на него с недоверием. Выражение его лица поразило меня: в глазах плескалась боль, прячась за непроницаемой пеленой льда. Его тело: скулы, руки и плечи были напряжены до предела, что даже мышцы пружинили. Он был пьян и возбуждён. Я видела это даже сквозь одежду.

Но несмотря на это, не собирался больше касаться меня.

— Но... как же... традиции? — я чувствовала себя идиоткой, задавая этот вопрос, но растерянность взяла верх над разумом. Стыд окатил меня с головой, заливая щёки пурпуром до самых кончиков ушей.

Мальбонте усмехнулся.

— Ритуала, связывающего кровью, достаточно, Вики. Твоя мать сделала всё, что нужно. Остальное — лишь формальности и мишура. А уж то, чего ты так боишься, демоны делают сплошь и рядом. По-настоящему важно только родительское слово и кровь.

Он отступил от меня, и я заметила, насколько он сконфужен произошедшим.

— Я затеял это всё ради победы в войне, а не из своих низменных желаний, — добавил он, сглотнув и отвернувшись, стараясь больше не смотреть на мою обнажённую грудь, которую я от шока позабыла снова прикрыть руками.

Это откровение вызвало волну облегчения.

— То есть... ты обрёл меня на это... отобрал мою жизнь и свободу только из-за того, что во мне твоя сила? — хохотнула я.

«Я, в самом деле, просто вещь, просто игрушка...»

— Так распорядилась судьба. Я не могу допустить, чтобы часть моих сил досталась врагам, — серьёзно пояснил Мальбонте, встав напротив окна и вдыхая ночной ветер. Он незаметно оправил брюки. Видимо, его тело всё ещё было охвачено возбуждением. И я отвела глаза в смущении. — Ты даже не понимаешь, какая сила кроется в тебе. Мои враги забрали бы тебя, не опереди я их. И использовали бы против меня.

Он задумался, замолчав.

— Я сама должна была решать! Присоединиться к ним или к тебе! Или вообще улететь подальше от всего этого! Жить, летать и любить того, кто любит меня! — выдала я, всхлипывая и буравя тяжелым взглядом спину мужчины. — Это был мой выбор, моя жизнь, которых ты меня лишил!

Мальбонте вновь горько усмехнулся.

— Они бы уничтожили тебя за нашу связь, в наличии которой ни ты, ни я не виноваты. Так сложилось. Они бы пытались подобраться ко мне через тебя, мучали, издевались, пытали... не остановились бы ни перед чем. Ангелы в способах достижения желаемого мало чем отличаются от тех, кого ты сегодня видела на пиру, — он помолчал ещё немного и добавил твердо и беспрекословно. — Лучше твоя свобода будет в моих руках, чем в их. Когда-нибудь ты сама осознаешь это.

Я прикусила дрожащую губу, желая что-то ответить, но слова не шли. И я выдавила короткое, но искреннее:

— Ненавижу тебя.

Что-то изменилось в его горделивой осанке. Мальбонте пошатнулся, будто от силовой волны, испускаемой моим голосом. Его крылья раскрылись наполовину и тут же снова прижались к лопаткам. Но каменное лицо не выдало ровным счётом никаких эмоций.

Он повернулся ко мне и улыбнулся, обнажая ровный ряд белых зубов.

— Твоё право. Ненависть всегда лучше равнодушия и пустоты. Вот в них нет никакой жизни.

Он указал головой на шкаф, затем на расправленную постель.

— Переодевайся и ложись спать. День был долгим и утомительным.

— А... ты? — осторожно спросила я, разом стушевавшись, когда гнев и обида немного улеглись. Мальбонте расстегнул свой дублет, сняв его и бросив на диван. Он остался в свободной чёрной нижней рубашке, брюках и сапогах.

— Обо мне переживать не стоит, — бросил он, откинувшись на спинку дивана и устремив взгляд на тлеющие угли в очаге. — Теперь мы вынуждены делить одни покои на двоих, как настоящие муж и жена. Так что привыкай.

Пока я переодевалась в просторной прилегающей ванной, Мальбонте закрыл окно и сам подбросил в камин дров, чтобы комната снова нагрелась. Когда я вернулась, он сидел всё в той же рубашке, но более просторных бриджах и босиком. На меня мужчина даже не взглянул, когда я на цыпочках прокралась в постель и тут же закуталась с головой в одеяло. Всё напряжение сегодняшнего дня разом навалилось на мои плечи, отзываясь смертельной усталостью.

Именно благодаря ей, мне удалось сразу же заснуть, даже несмотря на присутствие Мальбонте.

Среди ночи я очнулась от лихорадки. Кошмары и образы были такими четкими и страшными, что я металась по постели в немом крике, почему-то не способная заорать во всю мощь связок. Видения мелькали так быстро, что я не успевала их осознать. Они пугали, давили, потрошили душу, выворачивая её наизнанку.

— Нет... нет! — я тихонько хныкала, едва не упав с постели, но чьи-то теплые руки подхватили меня, вернув снова на середину кровати.

— Не пугайся... — знакомый до боли голос раздался над самым ухом, и я замерла, тихонько всхлипывая. Тело горело, а потому мне было жутко холодно.

— Ты привыкаешь к моему присутствию. Это нужно просто перетерпеть.

Произнёс Мальбонте, положив ладонь на мой лоб. Я с трудом открыла глаза, глядя на него с мольбой и тоской.

— Ты всё еще не хочешь принять мою силу.

Он вздохнул и поднялся. Сам принёс таз с водой, окунув в него полотенце, и принялся протирать мой лоб. От него всё еще пахло вином, хвоей и мокрой травой после грозы. Его руки казались горячими на фоне холодной тряпки, и я постепенно расслаблялась под осторожными заботливыми касаниями.

— Я научу тебя контролировать её. И тебе станет легче.

— Спасибо... — прошептала я одними губами. Огонь давно потух, погружая спальню во мрак, но мне показалось, что мужчина улыбнулся. Он поднёс к моему рту чашу с чистой водой и, сделав несколько жадных глотков, я снова погрузилась в тяжелый сон.

Когда лихорадка спала, и я очнулась снова, Мальбонте спал на узком диване, свесив ноги на пол и скрестив руки на груди. Он был накрыт тонким покрывалом, которое совсем не согревало. Мне вдруг стало совестно. Я взглянула на свободное место на кровати, где мы вполне могли бы улечься вдвоём, даже не касаясь друг друга. Но я не могла решиться разбудить его и предложить это... не была готова подпустить его так близко, несмотря на его благородство по отношению ко мне.

«Ты совсем не похож на то чудовище, которое описывали в трактатах...» — невольно подумала я.

Но Мальбонте мог быть этим чудовищем. Я вспомнила его глаза, взбешенные и безжалостные, когда его охватывала сокрушительная ярость.

Несмотря ни на что, сейчас рядом с этим чудовищем мне, наконец-то, стало спокойно... и это напугало меня даже больше, чем неведение и ожидание нашей свадьбы накануне.

Глава 6 Затишье перед первой бурей

Фенцио стоял перед столом и отсчитывался о количестве собранных припасов, оружия и боеспособных солдат. Мальбонте задумчиво смотрел на карты, слушая ангела мимоходом. Два дня назад со всех гротов Ракиа и Велона в Силентиум слетелись субантры, распугав половину челяди.

Мальбонте призвал их, благодаря тьме, живущей в нём, и командиры знали о птицах, а потому заранее приготовили для них подходящие загоны.

Быстрые, ловкие, сильные и беспощадные. Идеальные воины. Но и они имеют свои недостатки. Боятся солнечного света и питаются плесенью. Подвалы Силентиума представляли собой лабиринт тёмных сырых коридоров и кладовых, а ниже уровнями располагались темницы — каменные мешки, кишашие крысами, попадая в которые пленники могли уже никогда не увидеть солнца. Для птиц пришлось освободить наиболее тёмные кладовые, а припасы оттуда рассосредоточить по другим местам.

После того, как в замке поселились Субантры, да ещё и в таком количестве, восточное крыло — самое разрушенное и почти не подлежащее восстановлению, полностью опустело. Слуги и даже демоны обходили то место стороной, избегая даже слышать крики тварей.

Каждый день проходил в военных собраниях и напряженном ожидании битв. Мальбонте знал, что первая из них не за горами. Эрагон должен отреагировать на дерзость Ребекки, а потому первое сражение произойдет под стенами школы. Оно не будет чересчур ожесточенным, потому что для обеих сторон станет пробой и прощупыванием вражеских сил и возможностей.

Мальбонте посмотрел на Фенцио долгим пронизательным взглядом. Старик скрывал своё недовольство союзом с Ребеккой, но гнев и ярость кипели в нём. Глупец. Он ведь и поддался на предложение Мальбонте только ради того, чтобы отомстить отвергнувшей его женщине. Он спит и видит, как поставит мать Вики перед собой на колени. Но в то же время чувства к ней до сих пор очень сильны, и эти чувства, хоть и граничат с ненавистью, не являются таковой.

Малодушие Фенцио поставило его на сторону Мальбонте, но оно же может заставить предать.

Мальбонте потёр виски, пообещав себе, что подумает об этом позже. Пока что бывший Престол и учитель был ему полезен, и не было причин сомневаться в его преданности.

Отпустив советника, Мальбонте снова склонился над столешницей, проведя карандашом невидимую линию от Цитадели до Школы. Столицу и оплот Равновесия разделяло четыре уровня небес, а это достаточно лиг. И Силентиум как раз располагался на пути армии ангелов. Если Эрагон пошлёт на школу небольшой отряд, то поход для них займет по воздуху дня три со всеми привалами и остановками, но это если исключить использование порталов меж уровнями, благодаря которым путь преодолевается в разы быстрее.

Мальбонте сразу отправил разведчиков ко всем существующим переходам, но пока ни от кого не приходило никаких вестей.

«Надо бы встретить их на пути, и так до школы они не доберутся. Но мы раскроем своё местоположение... а это пока что рано и рискованно», — размышлял он.

Разведчики стояли и по всем путям. Они доложат, если заметят вражеские войска, не подозревающие о местонахождении лагеря, и в этом у воинов Мальбонте было преимущество. Солдатам дан приказ хватать всех, кто окажется поблизости в радиусе пятидесяти лиг. Силен-тиум скрыт от внешнего мира скалами и морем, что облегчает его оборону и даёт выгодное географическое положение. Кроме того замок укрыт в энергетический купол. Но не стоит исключать наличие предателей в самом лагере.

Простые солдаты воюют за идею и свободу или же просто по приказу. Высшие же чины преследуют собственные цели. Мальбонте держал их поблизости, но доверять мог лишь единицам, хоть и других не спускал с короткого поводка. Демоны были весьма предсказуемы, и он знал, как надавить на каждого, потому что их слабые стороны были ему хорошо известны. Фенцио и дочь Мамона — вот за кем следовало наблюдать.

— Саферий! — позвал он, и молодой архидемон, охраняющий кабинет, тут же вошёл и поклонился. Этот парень был трудолюбив, амбициозен и ответственен. Храбрый воин, гордый, но не самовлюбленный, стремящийся подняться выше и прилагающий для этого все усилия. Однако и у него была своя маленькая слабость.

— Да, мой король? — подал он голос, не поднимая головы.

Мальбонте хотел отдать совсем иной приказ, но вдруг снова подумал о Мими.

«Нет, стоит пообщаться с ней лично».

Прилетев сюда, она ведёт себя как гостья, но таковой не является, несмотря на все необходимые условия, которые предоставил ей Мальбонте.

— Приведи мне дочь демона Мамона.

Архидемон чуть заметно напрягся, но ничего не сказал, а лишь снова поклонился.

— Слушаюсь.

Без лишних вопросов и слов — это Мальбонте ценил.

Мими не была заложницей, она прилетела сама. Ради Вики. Но её отец в то же время не являлся для Мальбонте прямым союзником. Он пытался сохранить нейтралитет? Или же что-то держало его верным небесам... или, быть может, он просто ждал перевеса одной из сторон, чтобы присоединиться к победителям? В любом случае, пока его дочурка здесь, она может связываться с Мамоном и докладывать ему интересные детали. Её служанки верны Мальбонте, но они не могут следить за ней на каждом шагу.

Когда Саферий ушёл выполнять приказ, Мальбонте снова посмотрел на карты, ещё раз перепроверяя правильность расчётов.

Хотя ему было необычайно тяжело сосредоточиться. После свадьбы прошла неделя, и всё это время Мальбонте ни разу не мог нормально выспаться на этом чертовом диване, предоставив свою кровать в распоряжение Вики.

Как супруги они были вынуждены делить одни покои, хотя обоим это доставляло неудобства.

Мальбонте не мог отправить её в прежнюю спальню или уйти сам, ведь тогда по замку поползут нежелательные слухи. Для всех она — его женщина и королева. Значит, пусть думают так.

Они почти не разговаривали с той ночи после пира. Вики избегала его, и Мальбонте старался возвращаться в покои как можно позднее, нередко сидя за столом в кабинете в одиночестве. Он едва ли не засыпал прямо над картами, но всё равно вставал и заставлял себя идти к ней. Вики, как правило, уже спала или делала вид. А он, умыв лицо остывшей водой, ложился снова на свой диван у камина. Но перед тем, как заснуть, бывало, подолгу смотрел на неё — такую безмятежно невинную, укутавшуюся в одеяло, словно в кокон.

Он желал её. Вопреки своим планам и принципам.

Чёрт бы побрал эти случайности! Их стало слишком много в его безукоризненном плане, и все связаны с Вики так или иначе. Что это, как ни судьба, над которой не властны даже Создатели? Мальбонте не собирался этому поддаваться. Чёрт побереи эту девчонку!

Он прикрыл глаза ладонью, откинувшись на спинку стула. Хотя бы видения уже не донимали его так сильно. Да и Вики перестала вопить по ночам, прерывая его и без того зыбкий покой. Всё же нахождение рядом действовало на них обоих благотворно.

Прошло несколько минут, прежде чем дверь кабинета вновь открылась, и Мими — миниатюрная и изящная — перешагнула порог, с любопытством осматриваясь. Мальбонте поднял на неё глаза, оглядев с головы до ног. Саферий замешкался, но король кивнул ему, и архидемон тоже вошёл, замерев у дверей.

— Чем обязана? — первая подала голос дьяволица, и тот, кого называли королём, усмехнулся такой беззаботной наглости. Она вся источала дерзость и смелость. Энергия девушки отдавала кислой малиной. Но в её дружеской верности Вики сомневаться не приходилось.

— Мими, я полагаю? — произнес Мальбонте, чуть приподняв брови. Лицо его сделалось холодным, почти что восковым, а глаза сканировали девушку, пугая своей пронизательностью, но Мими не подала вида, лишь кивнув и немного нервно принявшись тереть кольца на своих длинных пальцах.

— Мы так и не успели побеседовать лично с такой ценной союзницей как дочь демона Мамона. Позволь исправить эту досадную оплошность.

Он медленно поднялся со стула, пододвинул его спинкой к столешнице и обошёл стол, встав напротив дьяволицы. Она держалась гордо и кокетливо, смотря на него, но страх постепенно наполнял её энергию особым привкусом, который Мальбонте угадывал без труда.

— Твой отец собирается явиться сюда следом за тобой?

Прямой вопрос. В лоб. Мими тут же отвела глаза, но ответ прозвучал уверенно:

— Нет. Он об этом ничего не говорил.

Мальбонте снова усмехнулся, присев на край столешницы.

— Тогда почему же ты прилетела сюда?

Вопреки его ожиданиям, уклоняться и сочинять враньё Мими не стала.

— Мне хоть и нравится здесь, но я прилетела только ради Вики.

«Честная девочка, но вот умно ли это?»

Мальбонте ценил честность, потому лишь медленно кивнул, склонив голову набок и продолжая наблюдать за девушкой.

— А если завтра начнётся война, Мими? На чьей стороне ты станешь сражаться?

На это она вздёрнула подбородок, не сомневаясь ни секунды:

— На той, где будет отец.

Мальбонте хмыкнул, хоть и губы его сами собой скривились в очередной усмешке.

— Мы заключили мир с Ребеккой, это так. И твой отец сейчас в школе, то есть заодно с ней. Но что, если всё изменится? Если мы и Школа окажемся-таки на разных сторонах баррикад? — Мальбонте выдержал многозначительную паузу, позволяя дьяволице обдумать услышанное. Но Мими не дрогнула, лишь быстро пожав плечами и посмотрев прямо ему в глаза открыто и игриво. Она сладко улыбнулась.

— Я стану пленницей?

Мальбонте разделил её настрой, встав и принявшись медленно обходить девчонку по незамысловатому ровному кругу. Как волк кружит вокруг маленького зайчонка, угодившего в западню. Она продолжала улыбаться так, как может улыбаться лишь молодая красивая девушка, но глаза начинали чуть заметно нервно озираться.

— Окажись твой отец на стороне моих врагов, и ты станешь для меня нежелательным шпионом. А значит, я могу заковать тебя в цепи заранее, надавив тем самым на родительские чувства Демона Алчности и заставив его тщательнее расставлять приоритеты. Как думаешь, сделает ли это его более благосклонным ко мне?

Мими помолчала, посерьёзнев и закусив губу цвета спелой малины.

— Этим ты не переманишь его на свою сторону.

— Ты уверена? — Мальбонте остановился напротив неё, выгнув бровь в однозначном вопросе. Мими выпрямилась, её крылышки мелко задрожали.

— Да. Может, ты и заставишь его стать твоим союзником, но верности не получишь. А, причинив мне вред, обретешь сильного и опасного врага.

Мальбонте снова улыбнулся, хоть в глазах и царил древний холод.

— Справедливо. Твой отец умён и хитёр. И я не сомневаюсь, как сильно он дорожит тобой. Ты же... — Мальбонте сделал к ней шаг и замер, заканчивая свою мысль. Мими едва не отпрянула, но осталась стоять на месте. — Благородно с твоей стороны поддерживать подругу в логове потенциального врага, рискуя при этом собственной свободой и безопасностью.

Дьяволица промолчала, не выдержав его взгляда и опустив глаза в пол. Мальбонте снова шагнул к ней, оказавшись совсем близко.

— Ты ведь учишься на одном уровне с Ости, Вики и остальными?

Она вскинула голову, не ожидав столь резкой смены разговора, и торопливо кивнула.

— И ещё не раскрыла свои уникальные способности?

В лице девушки мелькнуло недоверие и растерянность. Она не знала, к чему эти вопросы, и чего стоит ожидать от короля. А он ждал ответа с непроницаемым каменным лицом.

— Нет ещё. Но отец тренировал меня, помогая обрести их быстрее.

— Хорошо, — кивнул Мальбонте, сократив расстояние меж ними до критически минимального. Теперь он возвышался над оторопевшей дьяволицей, словно скала над травинкой. Ростом и комплекцией она была ещё меньше Вики в сравнении с ним. Такая хрупкая и бесстрашная. Мальбонте опустил ладони на её острые худенькие плечи, не позволяя отойти или отстраниться. Приподнял подбородок двумя пальцами, вынуждая смотреть на себя, и краем глаза заметил, как Саферий у входа занервничал, но остался стоять по-прежнему прямо и молчаливо.

Мими попыталась отвернуться, закрыть глаза, поняв, что король собирается делать, но приказ в его взгляде заставил её беспрекословно подчиниться и замереть, скованную внезапно охватившим ужасом.

Мальбонте посмотрел ей в глаза, без труда считывая нужную ему информацию, как бы маленькая дьяволица ни пыталась заблокировать собственное сознание, он без труда прорывался за любые преграды.

Действительно, Мими двигало в первую очередь желание помочь Вики... просто находиться рядом, не оставлять подругу одну в лапах зверя, хоть и сама ругала себя за то, что настолько привязалась к обычному человеку. Вики была для неё огоньком во мраке вечности — ярким и всколыхнувшим бесконечную скуку и тоску бытия. Мими искренне считала, что даже вечность без такой как Вики, ничего не стоит в сравнении с мгновениями рядом с ней.

Мальбонте поразила такая преданность, эта дружба.

Страх подвести отца... любовь и благоговейное уважение к нему. Отдаленная тоска по Люцифере... мечты о нём, но смирение с тем, что демон предпочитает Вики.

Мальбонте невольно поджал губы, когда острое чувство ревности снова шевельнулось в груди. На бледных щеках Мими появился стыдливый румянец.

Надежда на то, что Мальбонте свергнет верхушку и даст дорогу молодым, но боязнь признаться в этом даже себе. Ненависть по отношению к нему, обида за смерть друзей и одиночество.

Мальбонте перелистнул эти мысли, как ничего не значащие для него.

Мими уже прилагала все усилия, чтобы вырваться. И он хотел её отпустить, решив, что увидел достаточно, но тут внимание привлёк образ Вики, сидящей в её замковых покоях.

Мальбонте увидел их разговор накануне свадьбы. Рассуждение Мими об отце и о причинах его отсутствия здесь, благодаря чему для короля многое стало понятно. Выходит, Мамон просто ждёт перевеса одной из сторон и пока ставит на Небеса? Что ж, ожидаемо. Полукровка удовлетворенно улыбнулся.

Он снова зацепился за мысли о Люцифере и без труда нашёл ответ на вопрос об отсутствии сына Сатаны в пределах его замка.

— Хмм... — Мальбонте нахмурился, а Мими застыла, задрожав всем тельцем. Боялась за Люцифера... была готова защитить его. Попыталась изменить сознание. Мальбонте до этого не воспринимал всерьёз связь Его Королевы и принца Ада, но сейчас что-то в нём изменилось... и это раздражало. Брезгливо отбросив ненужные размышления, как мусор, мужчина вновь продолжил бесцеремонно вторгаться в сознание Мими.

А потом...

— Постарайся соблазнить его! И тогда ты получишь такую власть, о которой ни одна женщина не может и мечтать.

Слова эхом отразились от сознания Мальбонте, и он с подозрением отпрянул, прищурившись так, что девушка перед ним буквально затряслась от ужаса и смущения, широко распахнув глаза. Мими вся покраснела и бросилась бежать тут же, как только он её отпустил. Саферий, было, ринулся наперехват, но Мальбонте жестом приказал ему оставить дьяволицу в покое. А когда за ней с громким хлопком закрылась дверь, приказал:

— Следи пристально за этой девушкой и докладывай мне каждый её подозрительный шаг.

От него не укрылось, как они ворковали на пиру в честь свадьбы. Саферию будет даже приятно проводить больше времени в компании Мими.

Архидемон охотно кивнул.

— Слушаюсь, мой король.

Мальбонте отпустил и его, оставшись один. Он снова присел на край стола, потрясенно и задумчиво глядя на закрывшуюся за гвардейцем дверь.

«Вот значит, с чего Вики так рвалась соблюсти традиции... Неужели и правда собиралась отдать мне своё тело ради власти, не чувствуя при этом ничего, а, быть может, и вовсе представляя на моём месте своего друга Люцифера?»

Мальбонте до боли стиснул зубы, чувствуя, как в нём вскипает ярость. Как же он ненавидел эту женскую убежденность, что своим телом они могут добиться всего, чего пожелают! Эту привычку думать, будто таким образом способны возыметь над мужчиной власть. Разве что над глупцом, чей разум располагается на уровне ширилки.

Он бы хотел проникнуть в сознание Вики так же легко, но не мог, как ни пытался. Сознание его королевы оставалось недоступным, сокрытым под такой прочной стеной, за которую ни под силу пробиться даже ему. Как ей это удается?

Мальбонте вышел из кабинета, спустился во двор, направляясь в противоположное крыло замка. Слуги и солдаты расступались перед ним, низко кланяясь, но он не обращал на них внимания.

Он вошёл в одну из девяти маленьких башен, куда приказал расселить высокопоставленных союзников.

Ости сидела у зеркала и выводила помадой ровную линию губ, когда Мальбонте без стука вошёл в её покои. Дьяволица тут же вскочила, невольно черканув бордовым по бледной щеке. В зелёных глазах вспыхнуло удивление напополам с радостью.

— Мой повелитель, ты пришёл! — воскликнула она, словно девочка при виде кумира своего детства.

Мальбонте неторопливо закрыл за собой дверь, оглядев небольшую мрачную комнату. Он никогда не был здесь. Никогда не удостаивал Ости своим вниманием на её условной территории. Здесь всё пахло энергией дьяволицы, которая прочно ассоциировалась с похотью.

— Чем могу тебе помочь? — осторожно спросила она, вульгарным жестом проведя пальцем вдоль линии корсета, подчеркивающего её пышную грудь. Мужчина невольно проследил за этим движением, не вызвавшим в нём ровным счётом ничего, и строго посмотрел в её глаза, отчего девушка сразу притихла. Ости не стала подходить к нему близко, остановившись в нескольких шагах. Она больше всего на свете боялась быть навязчивой, а от того таковой и являлась.

— У меня к тебе поручение, — сказал он ровным тоном. Знал, что Ости и Мими когда-то связывала хлипкая дружба. А потому Ости может пригодиться ему, и она точно верна своему королю. Мальбонте чуял ложь, мог прочесть мысли любого, обойти почти любые попытки заблокировать сознание. Но в случае с этой дьяволицей — этого делать не приходилось. Она

была вся как на ладони. Обнаженная перед ним своей запятнанной демонической душой. Даже чаще чем телом.

— Я сделаю, что угодно, — она склонила голову, но в голосе не прозвучало прежнего энтузиазма.

— Хорошо, — Мальбонте уверенно приблизился к ней, небрежно стерев большим пальцем размазанную по щеке помаду, от чего обнаженные предплечья девушки покрылись мурашками. Ости с опаской подняла глаза, полные надежды и самодовольства.

— Тогда я хочу, чтобы ты подружилась с Мими и Вики. Сблизилась с ними, насколько подпустят, была с ними всюду, куда бы они ни пошли...

Дьяволица отпрянула от него так порывисто, словно он её ударил. В глазах застыли слёзы, перемешанные с горячей ревностью и злобой.

— Нет, не заставляй меня! — выдала она, на что Мальбонте холодно прищурился. Но девушку это не испугало. — Не заставляй делать вид, что эта Непризнанная мне нравится! Она отобрала у меня всё, что мне дорого! Я была с тобой с самого начала, я поддерживала тебя, как никто иной, а она...

— Довольно, — резко и беспрекословно оборвал её мужчина, и дьяволица тут же умолкла, захлебываясь своим негодованием. Её бордовые губы сжались в тонкую линию и задрожали. Глаза пылали огнём обиды.

— Я никогда не обещал тебе взаимности. И не потерплю глупых истерик, — его пальцы сжались на плече девушки чуть выше локтя, и Ости поморщилась от боли, глядя с вмиг появившейся покорностью в его каменное лицо. Заметив перемену настроения, Мальбонте отпустил её, и дьяволица тут же принялась тереть руку, сев на заправленную постель.

— Ты хочешь, чтобы я шпионила за ней для тебя? — хмыкнув, предположила она, и Мальбонте на это широко улыбнулся.

— Мне всегда нравилась твоя сообразительность.

Ости усилием воли скрыла надменный саркастичный взгляд, но он всё равно уловил его, наблюдая за её душевными метаниями.

— Чтобы я стала служанкой твоей королевы? — процедила дьяволица сквозь сжатые зубы, и Мальбонте, шагнув к ней, властно поднял её на ноги. Этот спектакль и драма наигранных чувств начала ему наскучивать.

— Она теперь и твоя королева. Не забывай, — сказал он, грубо повернув к себе лицо попытавшейся отвернуться Ости. — А любой королеве нужны преданные фрейлины. Разве не такого высокого положения ты так жаждешь?

Ости напряглась в его руках, сжав кулаки так, что ногти впились в нежную кожу ладоней. Мальбонте прочел её желание плюнуть ему в лицо и перестал улыбаться, одним лишь взглядом

предупредив, что этого делать не стоит. Как бы близко он ни подпустил её к себе, подобный порыв будет стоить ей слишком дорого.

— Я жажду не положения! Я жажду тебя.

Откровенность, граничащая с ложью. Мальбонте ощутил её дыхание со вкусом клубники на своих губах. Она была восхищена им, его силой, его стремлением изменить прогнивший мир, в котором такие, как Ребекка Уокер, решали судьбы бессмертных. Ости понимала идеи Мальбонте по-своему, она была уверена, что он намерен истребить всех ангелов, а выживших обречь на вечные скитания, принести на небеса кровь и разрушение, и её это устраивало. Она преклонялась перед ним. И это преклонение перерастало в одержимость.

Его не трогали её приторные речи, не волновали её слёзы и её прикосновения, сколь бы нежными они ни были. Даже её роскошное тело, которое Ости с охотой предоставляла ему по первому требованию, сейчас не возбуждало его.

— Побудь со мной, мой король, — умоляюще прошептала она, прижимаясь своей красивой грудью к его телу. Её губы были совсем близко, а шепот обволакивал, хоть и был пропитан страстью, граничащей с безумием. — Она не сможет подарить тебе и доли той преданности, на какую способна я. Она не сумеет доставить тебе и ничтожной крупицы того удовольствия, какое могу я. И ты знаешь это, иначе бы не пришёл.

Мальбонте не ответил. Он лишь закрыл глаза, позволяя дьяволице поцеловать его жесткие плотно сжатые губы.

— Помнишь нашу ночь перед свадьбой? — продолжала шептать Ости. — Я всем сердцем желаю повторить её... только позволь.

Мальбонте словно очнулся от одного наваждения, тут же погружаясь в другое. Да, он помнил. Помнил всё, что делал с ней. Как был жесток, даже не пытаясь сдерживаться, не думая о том, что причиняет дьяволице боль своими прикосновениями и толчками. Он будто обезумел, был диким и неукротимым. Готов был сделать что угодно, лишь бы выкинуть из головы эти воспоминания, которые он поведал той, в чьих голубых глазах плескалась ненависть по отношению к нему.

Лишь бы забыть.

Но не мог.

Он думал о Вики. Не мечтал проделать с ней то же, что делал с Ости, нет. Но и не мог выкинуть из головы. Её образ всплывал перед глазами всякий раз, как он смыкал веки. Доверился ей, правильно ли? Открыл самые тёмные и болезненные уголки души, которые никогда не открывал Ости или кому-то ещё, выставив для Вики на оценку, которую ждал чуть ли не с трепетом. А после свадьбы, когда они остались наедине, это притяжение только усилилось.

Стиснув до скрежета зубы, Мальбонте грубо отстранил от себя Ости, взяв ту за плечи. И дьяволица посмотрела на него с недоумением и уязвленным самолюбием.

— Отныне я принадлежу лишь одной женщине, — сухо заметил он, скрывая горечь в голосе, и Ости скривилась, будто от пощёчины. Она не желала сдаваться, не хотела отступить, всё ещё обнимая его, но Мальбонте бесцеремонно убрал с себя её руки, словно каких-то назойливых насекомых.

— Ты поняла мой приказ насчёт королевы?

Ости дважды хлопнула глазами, прежде чем кивнуть, глотая жгучую обиду, которую не сумела скрыть.

Мальбонте покинул её покои и направился в малый двор, где тренировались новобранцы. Уже издалека слышались хлопки взрывов, звон мечей, вопли и ругань.

Пихтион — демон Братства — стоял над разбившимися на пары солдатами, сложив на груди длинные крепкие руки. Ветер трепал его рыжие волосы, путавшиеся в красных рогах, и огненные крылья. Он примкнул к Мальбонте одним из первых, и король ценил его военное мастерство. Пихтион считался великим и жестоким воином, не терпел грубость, дерзость и несправедливость, но уважал законы чести и достоинство, и за это многие в Аду уважали его.

Увидев Мальбонте, он подобающе поклонился и вновь перевёл строгий требовательный взгляд изумрудных глаз на сражающихся перед ним демонов. Многие из новобранцев были серьёзно ранены. Кто-то лежал на земле в луже крови, кто-то был пригвожден к столбу длинным мечом из чёрной стали. У кого-то руки и ноги покраснели от ожогов, и кожа покрылась крупными волдырями.

— Кучка слюнтяев! Думаете, война — это то же самое, что ваше школьное крылоборство?! — проревел Пихтион грозным голосом опытного командира. — Вы не подохнете сейчас лишь по причине того, что я этого не желаю! Моя цель: сделать из вас достойных бойцов! Но в настоящей битве с вами никто не станет церемониться!

Мальбонте задумчиво оглядел новобранцев, встав рядом с демоном.

— Поднялись, подобрали сопли и снова повторили то, что я вам показывал! — приказал тот и повернулся к своему королю, сказав уже намного тише и спокойнее.

— Эти совсем слабаки. Такое чувство, что я тренирую Непризнанных, хотя и среди тех встречается всё больше достойных экземпляров. Эти же... Чему их только учат в этой школе? — он брезгливо обежал взглядом потрепанных солдат, что со стонами и через боль ползли обратно на позиции. — Но толк с них будет, это я могу гарантировать.

— Хорошо, — удовлетворённо кивнул Мальбонте, поджав губы. — Первая битва не за горами. В неё мы пошлём опытных воинов, тех, кто уже участвовал в сражениях. Но не лучших.

— Разумное решение. Врагу незачем пока видеть всю нашу мощь. — Согласился Пихтион, сосредоточенно прищурившись. — У школы бились простые солдаты. Сатана не стал пускать в ход все силы, иначе бы исход был иным. Правитель никак не ожидал, что лишится головы от руки... королевы Виктории.

Мальбонте снова кивнул. Верно, никто не ожидал, что Сатана так внезапно сложит полномочия, даже сам Мальбонте. Он долгое время готовил своих сторонников к этому сражению. Подводил все линии в одну, чтобы те сошлись в нужной точке. Казнь Винчесто, освобождение Бонта и война. Сатана сам предложил своего ничего не ведавшего сына в качестве участника

ритуала. В аду не так много демонов, кто ни разу за вечность не ступал на Землю, потому и вариантов было столь же мало, как и шансов на появление дочери Серафима, рожденного среди смертных.

Мальбонте предусмотрел всё, но то, что часть его сил останется в Вики, и она воспользуется этой силой — предусмотреть не мог.

Но теперь это было неважно.

— Окажи мне одну услугу, — всё в той же задумчивости произнёс Мальбонте.

— Слушаю, мой король, — без колебаний отозвался Пихтион.

— Дочь Мамона ещё не раскрыла свои способности, что непозволительно для дьяволицы такого уровня.

Пихтион поднял брови в сдержанном удивлении.

— Гены её матери сказываются. Выдают слабость, — предположил он с мрачной усмешкой. — Вы хотите, чтобы я помог ей в этом?

Мальбонте повелительно опустил ладонь на его широкое плечо. Жест доверия.

— Никто лучше тебя с этим не справится.

Пихтион склонил голову. Ему льстило то, что король ценил его мастерство, и Мальбонте это знал.

— Буду рад услужить, мой король.

Оставив Демона Братства заканчивать тренировку, Мальбонте пошёл в сад. Акр древнего дикого леса, сохранившийся в стенах замка. Огромные сосны, секвойи и ели. Здесь пахло мхом, холодом, хвоей и можжевельником. Родные запахи, знакомые с детства.

Он безошибочно ориентировался в узких, местами заросших тропинках, пока не вышел к живописному пруду, на берегу которого располагалась каменная, увитая диким виноградом, и полуразрушенная беседка. Воркование и девичий смех он услышал задолго до того, как показался из-за деревьев. При виде него девушки резко замолкли.

Мальбонте знал, где искать Вики в такой час. Она полюбила это место, которое ей показали по его наводке. А он был за то, чтобы королева как можно чаще бывала на свежем воздухе.

Увидев короля, Саферий, сидящий у самой воды, вскочил и выпрямился, подобно статуе. Мими стыдливо спрятала глаза, вновь вспыхнув румянцем. А озорная улыбка разом исчезла с лица Вики, стоило их с Мальбонте взглядам встретиться.

— Мими, я поручил Пихтиону заняться раскрытием твоих способностей, — невозмутимо обозначил Мальбонте, глядя на маленькую дьяволицу. — Раз уж ты здесь, так проведи время с пользой, — добавил он с усмешкой. — Он уже ждёт тебя.

Девчонка в замешательстве посмотрела на него, после на подругу, но не рискнула возражать или противиться. Не сказав ни слова Мальбонте, кивнула Вики, бросив на неё извиняющийся взгляд, а затем убежала прочь. Саферий, дождавшись молчаливого распоряжения короля, направился следом.

Они остались одни.

Вики сидела в беседке, держа руки на коленях, и только подойдя чуть ближе, Мальбонте заметил в её ладони полураскрывшийся бутон водяной лилии — белой и нежной, как перистые облака.

Холодный ветер, шелестящий в кронах, касался её лица и пускал по воде, на которую она смотрела, частую рябь.

— Тебе нравится здесь? — отвлечённо спросил Мальбонте, тоже отведя взгляд к пруду, чья обычная безмятежность была так дерзко нарушена порывами движения воздуха.

Вики рассеяно кивнула.

— В детстве я любил бывать здесь... Но тогда это место выглядело иначе, — поведал он, сам с трудом осознавая, сколько веков прошло с тех пор, как он плескался в этих волнах ещё маленьким беззаботным мальчиком. Сад навевал на него меланхолию, хоть и успокаивал метущийся бесконечно разум и душевные терзания.

Он подошёл к беседке и прислонился боком к осыпавшейся каменной колонне, увитой плющом, на противоположной от Вики стороне.

Королева выглядела напряженной, как и всегда в его присутствии.

— Каково это... быть в вечном мраке? — после затянувшегося молчания вдруг спросила Вики, прикусив губу. Мальбонте, никак не ожидавший такого вопроса, повернулся к ней.

— Почему ты спрашиваешь?

Она пожала плечами, опустив глаза на цветок.

— Просто хочу узнать тебя лучше. Ты против?

Мальбонте даже растерялся. Но сглотнул и ответил:

— Во мраке жила лишь самая тёмная часть моей души. И жила она лишь мстью. Я был подобен раскалённой печи, на которую разлили ведро ледяной воды, стоило мне соединиться с доброй стороной. Сейчас я мыслю более трезво.

Он усмехнулся, но усмешка тут же пропала с лица, уступив место мрачной задумчивости.

— Но там... там была только яростная, всепожирающая ненависть, — добавил сквозь плотно сжатые зубы. — Я следил за... за тем, как реализуется мой план. Дёргал за ниточки, стараясь не переусердствовать и не обжечь их своей злобой. Лучше Небытие, чем снова вернуться туда и остаться без...

Мальбонте умолк, гневно поджав губы. Вспоминать темницу ему не хотелось. Он лучше умрёт, будет драться до последнего вдоха, позволит казнить себя... сделает, что угодно, лишь бы не возвращаться в этот душный бесконечный мрак — царство Шепфамалума — где царит обречённость и одиночество.

Ведь выбраться оттуда снова ему будет уже не суждено. Все эти годы он жил надеждой, что план, подкинутый Создателем и продуманный самим Мальбонте, сработает. Сейчас же он впервые за три тысячи лет, наконец-то, чувствовал себя живым. Даже века существования в заточении не стоили этих нескольких дней настоящей свободной жизни, и Мальбонте жадно наслаждался каждым из них.

Вики осторожно закончила мысль за него:

— Остаться без Бонта внутри себя?

Предположение оказалось чертовски верным. Укололо в самое сердце. Мальбонте промолчал, лишь раздраженно скривив губы, и Вики не стала развивать эту тему, заметив его реакцию.

— Ты считаешь себя больше демоном? — снова спросила она, и мужчина вздохнул. Он долго думал, прежде чем ответить. Тщательно подбирая слова, стремясь, чтобы она поняла его правильно.

— Меня вынуждают быть больше демоном. Моя армия видит во мне демона. От меня ждут решительности и силы. Для них я — тот, кто способен сломать систему и добиться желанной справедливости, потому они и идут за мной. Для ангелов же я — монстр. Они ждут от меня только зла, крови и смертей. Они хотели уничтожить меня, как только я родился... Они хотят уничтожить меня и сейчас.

Краем глаза Мальбонте заметил, что Вики обняла себя руками, поёжившись. На улице действительно было прохладно, но мужчина понял, что погода тут не виновата. Она вспомнила тот обрыв... стрелы, свистящие в воздухе, и груду тел. Он опустил глаза, моргнув, и добавил:

— Я лишь подстраиваюсь под мир, что создают власть имущие. В том числе и Шепфа.

— Звучит как оправдание, — заметила она, чем вызвала гнев в душе Мальбонте.

«Неужели она так никогда и не поймёт, несмотря на все мои старания объяснить?! Даже несмотря на то, что видела своими глазами!».

Он взглянул на неё.

— Я уничтожу их всех. И мне плевать, буду я чудовищем в глазах остальных или нет. Я не остановлюсь ни перед чем на пути к своей цели.

Вики выдержала его ледяной страшный взгляд, полный непоколебимой решимости, и снова задала вопрос:

— И какова эта цель?

Мальбонте резко отвернулся, решив, что пока рано посвящать её в свои планы. Да, она — его королева, в ней его сила, и она не сможет никуда от него уйти. Он сам позаботился об этом. Но в то же время Вики считала себя пленницей, хотя, если быть предельно честными, ею и была. Но Мальбонте всё равно не терял надежды склонить её на свою сторону, добиться искреннего признания... и тем самым заслужить прощение, если это вообще возможно. Но даже если нет, он был готов принять это с достоинством.

— Я заметил, что кошмары уже не так мучают тебя по ночам?

Вики передёрнула плечами, осторожно положив лилию на скамью рядом с собой.

— Нет, но... твоя сила внутри меня... она...

Мальбонте понял, что она имеет в виду. Он заметил, как нервно трёт руки, как меняется её энергия, искря порывами и всплесками под гладкой нежной кожей, обжигая изнутри, беснуясь и принося мучительный дискомфорт.

Решение далось ему не просто, но Мальбонте всё же его принял и не собирался отступить.

— Я обещал помочь тебе научиться контролировать её.

Вики удивленно подняла на него глаза, но промолчала. И тогда он протянул ей руку.

— Иди сюда.

Девушка несколько мгновений с сомнением смотрела на его ладонь, затем протянула свою в ответ, позволяя помочь себе сойти с каменных ступеней беседки на усыпанную листьями чёрную землю. Её встревоженный взгляд скользил по его лицу и рукам. Мальбонте снова поджал губы, смотря на неё сверху вниз, не мигая.

— Я постараюсь сделать это, не причиняя тебе боль, но если не получится, будь готова.

В её лице отразилось сомнение, но Вики медленно кивнула, чем вызвала его улыбку. Мальбонте опустил взгляд на её руки, повисшие вдоль тела, властно взял их в свои и развернул ладонями к небу, зафиксировав в таком положении, но не отпуская.

— Попробуй сосредоточить всю свою энергию в пальцах. Выпусти её, — потребовал он, и Вики закрыла глаза, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. Она доверилась ему. Хотя бы в этом.

Ветер усилился, раздувая её светлые волосы. Лицо Вики исказилось от напряжения, и голубая вспышка, похожая на зигзаги молнии, опалила её пальцы. Девушка вскрикнула, сжав кулаки и прижав их к животу, согнулась пополам, терпя боль со стиснутыми зубами.

Мальбонте чуть заметно качнул головой.

— Пока ты боишься её, она будет управлять тобой. Со мной тоже случалось с одним лишь отличием, что во мне этой энергии было в два раза больше.

Вики судорожно вдохнула, выпрямившись и посмотрев на свои обожженные руки. Кончики пальцев заметно покраснели.

Мальбонте обошёл её, встав за спиной, и снова поднял её ладони в исходное положение. Его дыхание коснулось её макушки, и Вики едва заметно вздрогнула, но попыталась это скрыть, вновь сосредоточившись на своих пальцах. Её смущение его позабавило, но и отдалось тяжестью где-то под рёбрами.

Вторая попытка получилась чуть лучше, но вновь мучительной. А третья... уже позволила удержать заряд света в раскрытой ладони. Но только с десятой у девушки получилось привыкнуть к обжигающему пламени, что текло и кипело в её венах. И в тот же миг она перестала чувствовать боль.

— Ух, — с её губ сорвался облегчённый радостный возглас, и Вики улыбнулась, повернувшись к Мальбонте. — Ты видишь это?

Он кивнул, и уголки губ сами собой поползли вверх.

— Считаю, что первый шаг к приручению моей силы тобой сделан.

Он кивнул в сторону старого засохшего ясеня, низко склонившегося ветвями над водой.

— Теперь попробуй выпустить её. Направить на потенциального врага и поразить его.

Вики неуверенно посмотрела на него, затем на свои руки, в которых пылал голубой огонёк, и медленно развернулась в сторону дерева. Первый же брошенный заряд отбросил её саму на несколько метров, но Мальбонте успел поймать свою королеву, заключив в цепкий капкан рук и страхуя от падения.

Он не планировал делать это. Так вышло само. Его тело среагировало быстрее разума.

Вики, испугавшись, зажмурилась и вся дрожала, даже не понимая, что произошло.

— Как ты убила Сатану, не пойму, — невольно рассмеялся Мальбонте, выпустив её из своих объятий. — Судя по тому, что я вижу сейчас, ты должна была покалечить, скорее, себя.

Вики открыла глаза, пронзив его таким яростным взглядом, какого у неё он никогда не встречал.

— Он пытался убить мою мать! Я сама не знаю, как так получилось. Всё, о чём я могла думать — о том, чтобы спасти её!

Улыбка исчезла с губ Мальбонте, уступая место привычной серьёзности.

— Верно. Ярость — лучший мотиватор.

Ему самому не понравился тот метод, который, похоже, был действеннее всего. Он отошёл от Вики на несколько шагов, встав напротив неё так, что она без труда поняла, что он задумал.

— Нет! — воскликнула девушка, в страхе выставив перед собой руки. — Не надо!

— Тогда останови меня сама! Разозлись и сделай это! Защити себя! — беспрекословно потребовал Мальбонте и сделал резкий выпад, направив в Вики поток энергии, настолько слабый, что вряд ли мог причинить серьёзный ущерб, но и его оказалось достаточно. Поток сбил её с ног, отбросив прямо в воду, что значительно смягчило удар.

Мысленно чертыхнувшись, Мальбонте тут же кинулся следом, вытащив девушку на поверхность. Она скулила, закрыв лицо руками, но больше от ужаса, чем от боли. Видимых повреждений он ей не нанёс.

— Ты совсем что ли?! — рявкнула Вики, глядя на него шокированными глазами, в которых искрилось негодование и злоба. Она, казалось, не обращала внимания на то, что они стоят по грудь в ледяной воде, и что он держит её на руках. — Да как ты!

Хлоп.

Смачный звонкий хлопок.

Не отдавая себе отчёта в действиях, охваченная яростью, возобладавшей на миг над страхом, она замахнулась и ударила его по щеке, но тут же утихла, вся съежилась, испугавшись своего глупого несдержанного порыва. Мальбонте никак не отреагировал на этот выпад. Он лишь поднял подбородок выше, стиснул зубы и с каменным лицом вынес Вики на берег, сразу же поставив на землю.

— Думаю, на сегодня достаточно, — сказал он ровным тоном, больше не смотря на неё, хоть и подмечал, как неловкость охватывает каждое её движение, как голубые огромные глаза смотрят на него с болезненной осторожностью. Его щека ощутимо горела.

— Прости, я... не знаю, что на меня нашло, — в голосе Вики прозвучала вина и сожаление. Мальбонте лишь качнул головой, посмотрев на небо.

— Нам пора возвращаться в замок. Скоро стемнеет. Ночь здесь наступает быстро.

В их покоях было тепло и уютно. Ветер за окном зловеще выл в каменных парапетах и крышах, море под окном с рёвом налетало на стену.

Служанки натаскали горячей воды в ванну и приготовили сухую одежду им обоим, не задавая вопросов, с чего король и королева вернулись совершенно промокшими.

Мальбонте уступил Вики ванную, и лишь когда она закончила и забралась в постель, сам снял неприятно липнущие к коже дублет и брюки. Эти бытовые сложности доставляли ему немалое неудобство, хоть Вики, должно быть, было хуже. В Школе Ангелов и Демонов не было проблем с горячей водой и прочими благами жизни. Силентиум же был намного древнее, к тому же столько веков простоял заброшенным.

Но к чему жаловаться? Бывает и хуже.

Он вернулся в спальню, облаченный в просторную рубаху и чистые бриджи. И лёг на свой неудобный узкий диван, к тому же намочив его крыльями.

Вики лежала на кровати, завернувшись в одеяло с головой, спиной к нему. Мальбонте и не надеялся на разговор, тоже закрыв глаза и попытавшись забыться сном. Он собирался придумать, как облегчить возникшее положение. Быть может, приказать принести в покои диван поудобнее. Но пообещал себе подумать об этом утром, если за ночь армия Цитадели не доберётся до Школы.

Он спал чутко, норовя вскочить от любого шороха, и бесился от тщетных попыток улечься поудобнее. Но как только ветер за окном стих, и мужчину настиг желанный более глубокий сон, он вдруг почувствовал сквозь пелену чьё-то несмелое прикосновение к своей ладони, а затем и к груди.

Реакция не заставила себя ждать. Мальбонте не позволит прикончить себя во сне ни одному из врагов. Мгновение, и он уже прижимал того, кто его потревожил, к кровати, надавив предплечьем на горло. Послышался сдавленный визг.

«Подослали убийц?» — пронеслось в ещё затуманенном сном разуме, но всё тут же прояснилось. Тряхнув головой и проморгавшись, он поймал себя на том, что прижимает к постели бледную перепуганную Вики, глядящую на него широко распахнутыми от ужаса глазами. Её пальцы впивались ногтями в его руку в попытке ослабить хватку, губы жадно ловили крупницы воздуха, а из горла рвались нечленораздельные хрипы.

— Что ты пыталась сделать? — прорычал он ей в лицо, требовательно смотря в глаза, ища в них ответ на свою неутешительную догадку. Она снова что-то захрипела, и он резко убрал локоть с её горла, позволяя девушке жадно и лихорадочно задыхаться.

— Я... я... просто... — принялась объяснять Вики, пытаясь восстановить дыхание. Прижимая её к постели своим телом, Мальбонте слышал, как бешено колотится сердце в часто вздымающейся и опадающей груди под тонкой шёлковой сорочкой. Чувствовал, как подол этой самой сорочки порвался и соскользнул выше, оголяя её стройные гладкие бёдра, прижимающиеся к нему. Она вся трепетала под ним, охваченная страхом от его резкого порыва. И это сбивало с толку, затуманивало рассудок, хоть Мальбонте всеми силами пытался мыслить здраво и не собирался отпускать её, пока не дождётся объяснений.

— Хотела убить меня во сне? — ярость отрезвляла, помогала не думать о чрезмерной близости их положения. Вики вновь распахнула глаза, уставившись на него изумленно и непонимающе.

— Нет, что ты такое несёшь?! — спросила она, замерев и уперевшись руками в его плечи в попытках оттолкнуть. — Я просто хотела предложить тебе... — она закусила губу, по виду не зная, как продолжить, и отвела взгляд в сторону.

— Что?! — Мальбонте начал терять терпение, и тогда она снова взглянула на него, на этот раз с обидой и упрёком.

— Хотела, чтобы ты спал на другой половине кровати! — выплюнула Вики, поёрзав под ним, стараясь выбраться. Мальбонте в удивлении поднял брови, даже забыв о том, что до сих пор удерживает её.

— Кровать большая! А тебе, наверняка, неудобно на этом диванчике. Вот я и подумала, что нам хватит места обоим, и мы сможем даже не соприкасаться.

Услышав это, он мгновенно отпустил её, встав на ноги и отвернувшись. Заставляя себя не смотреть на эту женщину, не вспоминать тепло и гладкость её кожи, которую он невольно только что ощущал под собой. Вики тут же забралась под одеяло, пряча от него своё обольстительное тело, за что Мальбонте мысленно благодарил её.

Его же собственная реакция на произошедшее до сих пор оставалась ощутимой и доставляла тесный дискомфорт в паху.

«Черт бы тебя побрал, Виктория!» — выругался он про себя, а вслух произнёс напряженно и угрожающе:

— Никогда больше так не подкрадывайся.

Темнота комнаты скрывала его смущение от её глаз.

— Хорошо, учту, — угрюмо отозвалась Вики, подвинувшись на самый край постели. Мальбонте расценил это, как всё ещё действующее приглашение.

— Одеяло оставь себе, — бросил он, подхватив с дивана подушку. И, обойдя кровать, лёг на другой её стороне, наконец-то вытянувшись во весь рост. Вики больше не издала ни звука, лишь её сбитое дыхание выдавало присутствие. Она завернулась в одеяло, до этого укрывшись собственными крыльями. Мальбонте невольно усмехнулся, подумав о том, что её невысказанные, но очевидные опасения, быть может, не так уж и напрасны.

— Спасибо, — сказал он, взглянув на неё. Вики открыла глаза, посмотрев на него. Их взгляды встретились. — И прости за...

Она едва заметно кивнула, снова зажмурившись. Словно прячась от его глаз.

Глядя в потолок, Мальбонте немного успокоился, заметив, что и дыхание Вики выровнялось, выдавая то, что она заснула. Наверное, он пролежал слишком долго, погруженный в

собственные мысли, которые как назло разбегались в присутствии этой женщины. Мальбонте сам не понимал, что с ним творится. Смотря на неё, он словно терял себя, падал в какую-то бездну... терял рассудок.

«*Чёрт!*». Этого не было в его планах! Её не было в его планах! Но Вики Уокер ворвалась в его судьбу, сама того не желая, и, не зная того, продолжает портить безукоризненно выверенные стратегии по осуществлению его мести.

Мальбонте повернул голову, снова взглянув на неё. Она лежала в позе эмбриона лицом к нему, готовая защититься от любых посягательств.

«*Хмм. Если бы я был монстром, ты уже была бы моей, независимо от твоего желания*», — мрачно подумал он, отвернувшись и закрыв глаза. Он не мог поступить так, как она боялась, как бы поступили многие мужчины на его месте, особенно демоны. Никогда бы не смог. Только не с ней.

Не с ней.

С этими скребущими в груди мыслями он и уснул.

Глава 7 Друг или...

Я проснулась от свиста ветра в сводах каменных крыш и трубе камина. Море за окном шумело, с яростным рёвом разбиваясь о поросшую водорослями древнюю стену. Мне казалось, что я ощущаю эти соленые холодные брызги на своём лице. Рассвет только-только теплился на горизонте, но Мальбонте в спальне уже не было. Я не слышала, когда он ушёл, хотя сама спала очень чутко, прислушиваясь к каждому шороху.

Всё же разделить с ним постель, пусть и исключительно ради удобства, оказалось сложным решением. Чувствовать его настолько близко было неловко и непривычно. Одна часть меня боялась его, в то время как другая — более рациональная — понимала, что если бы Мальбонте хотел причинить мне вред, не стал бы тянуть так долго. И всё же я не решалась даже повернуться на другой бок — спиной к нему. И несколько раз, очнувшись ото сна, открывала глаза и смотрела на него, но он спал. На спине, прикрывшись собственными крыльями и сложив крепкие руки на груди. Видения уже не мучили, благодаря тому, что к его близости я достаточно привыкла.

Он был ласков со мной, как и обещал. Но вспышки его гнева пугали до умопомрачения. Всё общение с этим мужчиной напоминало танец на канате над бездонной пропастью. Один неверный шаг, и равновесие удержать не удастся, а дальше последует падение и неминуемая гибель.

Я встала, умылась и поёжилась от холода, гуляющего по покоям.

После завтрака Он вызвал меня к себе. На тот же балкон, с которого был виден весь Силентиум, и с какого началось моё знакомство с замком.

Когда я вошла в сопровождении Саферия, то сразу обратила внимание на то, что Мальбонте целиком облачен в чёрную с бордовыми прожилками блестящую броню, напоминающую чешую дракона. На его шее висел уже знакомый мне, но надломанный по основанию амулет, скрывающий энергию.

Создалось впечатление, что его перековали... быть может, сделали сильнее, чтобы он мог скрыть даже мощную ауру полукровки. Кроваво-красные перья короля трепетали на ледяном ветру, а взгляд, устремленный во двор, был серьезен и беспощаден.

Тревога волной поднялась в груди.

— Что-то случилось? — вопрос сам сорвался с губ, и Мальбонте обернулся на мой голос. Двор наполняли крики бессмертных, рычание драконов и вопли исполинских птиц. Подойдя ближе к перилам, я едва не отпрянула. Представшее перед глазами поразило меня, напугало, вызвало трепетное восхищение в перемешку с паническим ужасом. Во дворе собралась вся армия, готовая внимать приказам своего короля. Шеренги демонов, вооруженных мечами и копьями. Всадники на драконах — огромных рогатых тварях, что были во много раз больше Фыра и ему подобных. Но меня поразило не это. За основными колоннами рядами сидели субантры, клювами чистящие свои острые, словно клинки, перья.

— Ещё во времена первой войны между ангелами и демонами, каждая из сторон мечтала приручить этих птиц, — сказал Мальбонте, проследив за тем, куда устремлён мой взгляд. — Но никому за всё время так и не удалось это.

Я оглядывала стаю, почти не дыша. В школе на меня напала всего лишь одна из них, но и с ней Геральд справился с трудом. Видеть их в таком количестве, да ещё и готовых растерзать любого, на кого укажет их повелитель, было поистине жутко.

— Никому, кроме тебя... — прошептала я вмиг охрипшим голосом. Мальбонте сдержанно кивнул.

— Кроме меня. Во мне есть тёмная сила, которой они подчиняются.

Я перевела на него потрясенный взгляд.

«Значит ли это, что и я тоже могу приказывать им, раз уж во мне часть его сил?»

Мальбонте не позволил моему сознанию развить эту странную мысль. Он встал позади меня, опустив широкие ладони на мои напряженные плечи, и я задрожала, ощущая его горячее дыхание над самым ухом.

— Им не победить меня. Это только малая часть моих войск, но и их достаточно, чтобы показать ангелам, чего мы стоим. Каждый из этих солдат готов умереть за справедливость и Равновесие.

— Вам... предстоит битва? — прохрипела я, чувствуя, как кожа под толстым шерстяным платьем покрывается мурашками холодной жути от предвкушения чего-то неотвратимого. Мальбонте усмехнулся, и дыхание его мигом превратилось в пар в морозном утреннем воздухе.

— Ангелы отреагировали на дерзость твоей матери. И сегодня нам предстоит помочь ей отстоять Школу. Это ещё не битва.

— Но кровь всё же прольется? — вновь спросила я, повернувшись к нему. Он возвышался надо мной, подобно чёрному безжалостному утесу. Доспехи делали его и без того внушительную фигуру ещё больше. Его лицо было по обыкновению серьезным и каменным, когда он сухо кивнул, не сводя глаз со своей армии.

И от этого молчаливого ответа я снова задрожала, обхватив руками собственные плечи. Шепотом, от страха, от осознания мощи Мальбонте, я снова тихо спросила:

— А что в итоге? Чего ты хочешь добиться в самом конце? Ради чего всё это?

Я стала вглядываться в его жёсткий идеальный профиль, будто выточенный из мрамора опытной рукой гениального скульптора. Мальбонте смотрел на своих воинов, видя каждого из них и в то же время будто бы не замечая ни одного. Я не думала, что он даст ответ, что станет посвящать меня в свои глобальные планы. Но ответ всё же прозвучал... Он был задумчив, серьезен, безжалостен, когда твёрдо и бескомпромиссно произнёс:

— Я хочу убить Шепфа.

Я замерла, не поверив своим ушам. А Мальбонте продолжил говорить, не оборачиваясь ко мне, как будто и не было сказано этих страшных в своём безумии слов.

— В Школе и Цитадели — у меня везде есть глаза и уши. Они не смогут застать меня врасплох. Не смогут ни спрятаться, ни откупиться, когда я приду, чтобы покарать их. Шепфа поплатится за своё равнодушие.

Я не решилась задать вопрос, о ком конкретно он говорит. Но ужасная догадка поразила и парализовала разум: Он намерен вырезать всех ангелов, а остальных поставить на колени перед демонами?

На земле зачастую так и бывает, и то, что называется справедливостью, как правило означает лишь перераспределение благ с одной стороны к другой.

Мальбонте усмехнулся, не замечая моей реакции.

— И кто из нас больший мизантроп? Создатель, что позволил детям уничтожать себя... Или я, который хочет что-то изменить, пусть даже не все будут согласны с моими методами?

— Но разве массовые уничтожения — это выход? Ты ведь и сам наполовину ангел... Я не верю, что Бонт бы пошёл на такое... — это сорвалось неосознанно, я тут же умолкла, глядя на него широко распахнутыми глазами.

Мальбонте повернулся ко мне, и лицо его исказилось от безудержного гнева, который был подобен бешеному псу, что вот-вот сорвется с цепи. Он схватил меня за плечи, принуждая смотреть на него, и я тихо пискнула от боли, хоть и видела, что он из последних сил старается усмирить свою ярость и не выплеснуть её на меня в полной мере.

— Нет ничего хуже равнодушия! Я лучше встречусь лицом к лицу с ненавистью и болью, чем равнодушием, пустотой. Потому что в этом нет жизни! — прорычал он сквозь плотно сжатые зубы. — Что до ангелов, то они слишком долго упивались своей безнаказанностью. Пора положить конец их безраздельной власти.

«Ты чудовище!» — я не решилась произнести это вслух, но мои глаза всё сказали за меня. Мальбонте отпрянул, прищурился, и что-то изменилось в его черных ледяных радужках, будто мне удалось его ранить, но всего на ничтожный миг. Он отпустил меня грубо, едва ли не оттолкнул, и тут же успокоился, выдохнул. Лицо и голос его обрели прежнее хладнокровие.

— Меня не будет несколько дней. Замок и слуги в полном твоём распоряжении.

Произнёс он холодно, так же равнодушно коснулся шершавыми губами моего лба и сразу же отступил. Кивнул Саферию, словно отдавая молчаливый приказ, который архидемон сразу понял. Обернулся к своей армии, раскрыв свои огромные величественные крылья, от которых я едва не попятилась, боясь, что они меня заденут. И прокричал:

— Выдвигаемся! Застанем их врасплох!

Армия синхронно прокричала: «Даа! Покажем им!»

Послышался звук сотен мечей, вырывающихся из ножен. Драконы взревели, субантры заголосили. С шорохом и шелестом раскрылись тысячи крыльев. Мальбонте первым поднялся в воздух, сразу же скрывшись среди облаков. И все остальные последовали за ним, поднимая пыль и потоки воздуха с покрытой инеем земли.

Силентиум наполовину опустел.

День был холодным и мрачным, под стать атмосфере замка. Куда бы я ни пошла, Саферий следовал за мной по пятам, как неотступная тень.

— У тебя нет других дел? — раздраженно спросила я, медленно идя по дикому, похожему на лес саду.

— Король приказал охранять королеву на время его отсутствия, — ответил демон как-то механически, словно ему самому моё общество до одури претило.

«Он предпочел бы охранять Мими», — пронеслось в мыслях. Но Мими со вчерашнего дня занимал Пихтион.

Вечером я не видела подругу, но утром во время завтрака в общем зале, она выглядела уставшей и побитой.

— Пихтион — просто зверь, хоть и красавчик, — поделилась она, едва не пролив кофе. Синяки на её руках не зажили даже за ночь.

— Мими, ты неисправима, — улыбнулась я. Дьяволица разочарованно вздохнула, откусывая ломоть свежего ароматного хлеба.

— Ох, я бы рада быть неисправимой в его случае, да только это безнадежно. Знала бы ты, сколько женщин хочет его, да только он целиком отдан лишь военному делу. А в качестве личных отношений признаёт только сестру, да и то они общаются довольно холодно.

Я легонько пихнула её в плечо.

— Ты ужасная сплетница.

Мими увернулась, показала мне язык и рассмеялась. Но вдруг её улыбка медленно сползла с лица, обратившись в кислую гримасу.

Пихтион, рыжеволосый и статный воин, показался в дверях трапезной и сразу же направился к нам. Он поклонился мне, а Мими забрал, не дав даже доесть, и дьяволица с обреченным стоном подчинилась и поплелась за ним, но напоследок шепнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.